

Виктор ДЪЯКОВ

# НИКТО НЕ ХОТЕЛ ВОЕВАТЬ

роман



18+

# Виктор Елисеевич Дьяков

## Никто не хотел воевать

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=50308524](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50308524)*

*SelfPub; 2020*

### Аннотация

Двадцатитрехлетний Леонид и тридцатисемилетний Богдан двоюродные братья. Они родом с Украины, но вместе с родителями живут и работают в Москве на птичьих правах. Под Донецком у них живет бабушка. В июне 2014 года она перестала отвечать на звонки телефона после того, как ее поселок подвергся артиллерийскому обстрелу. Несмотря на противодействие матери, Леонид едет в зону боевых действий, чтобы узнать о судьбе бабушки и при необходимости вывезти ее. Независимо от брата на Украину едет и Богдан – с той же целью. Братья не собираются воевать, но волею судеб никогда не державший в руках оружия Леонид оказывается среди профессиональных «солдат удачи», воюющих на стороне ополченцев, а имеющий боевой опыт Богдан становится командиром взвода добровольческого батальона национальной гвардии Украины. Братья встречаются в Иловайске...

# Содержание

1	4
2	22
3	36
4	52
5	65
6	81
7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	113

# 1

Июнь 2014 года, продовольственный рынок на юго-востоке Москвы. В «мясном» ряду покупателей немного, да и те, что подходят к прилавкам лишь присматриваются, прицениваются и, покачав головой, отходят. Мяса в России никогда не производили в достатке и, естественно, оно не было дешевым.

В одной из секций «мясного ряда» стояли два торговца, в таких же, как и у прочих их коллег, белых халатах и шапочках, оба невысокие со схожими лицами. Одному явно далеко за пятьдесят лет, второй молодой – отец и сын. Именно к ним, наконец, подошел не «смотрельщик», а настоящий покупатель. Он, не спрашивая цены, сразу взял большой кусок говяжьей грудинки, четыре «уголка» и в придачу к говядине немного свиных ребрышек. Разовая покупка такого большого количества мяса, сразу вызвала завистливые взгляды продавцов, стоящих по соседству, к тому же изрядно обеднила прилавок. В этой связи отец обратился к сыну:

– Ленька, сходи в холодильник, тащи еще полтуши.

На лице парня на мгновение промелькнула гримаса недовольства, но он тут же ее подавил и послушно пошел туда, куда его посылали. Через несколько минут он появился, неся половину говяжьей туши. И хоть парень был невысок, но в

то же время далеко не хлюпик, давалась эта переноска ему нелегко. Взвалив мясо на колоду, он с облегчением перевел дух, а отец тут же большим мясницким топором начал его разрубать.

Леонид ненавидел свою нынешнюю работу, он с трудом переносил давно опротивевший ему мясной запах, этот не смолкающий ни на минуту гул, стоящий под сводами крытого рынка. А куда деваться, приходится заниматься семейным бизнесом, вернее выполнять обязанности конечного звена довольно длинной бизнес-цепочки. Та цепочка начиналась в Курске, где жили родственники отца Леонида. Там это мясо выращивали в виде коров и свиней, забивали, разделывали, и переправляли на арендованных фурах-рефрижераторах в Москву. И уже здесь Леонид с отцом превращали это мясо в деньги. Согласно договора, небольшую часть тех денег они оставляли себе, а остальное переводили в Курск. Этот бизнес, еще несколько лет назад, в тучные «нулевые» годы, был довольно прибыльным. Но последние лет пять-шесть выручка заметно упала. А сейчас, после резкого падения цен на нефть и «обрезания» у Украины Крыма, что спровоцировало объявления в этой связи западных санкций, доходы москвичей, не говоря уж об остальной России, из-за резкого обесценивания рубля упали фактически вдвое. Потенциальные покупатели вынужденно сократили расходы, в том числе и за счет того, что стали намного меньше покупать мяса. Потому и над многозвенчатым семейным бизне-

сом повис домоклов меч – как бы не вылететь в трубу.

Не только свою работу не любил Леонид. В последнее время его все больше раздражало буквально всё окружавшее. Все, вся его жизнь казалась какой-то не настоящей, глупой, лишённой перспектив, не имеющей смысла. И в самом деле, разве можно считать своим домом, жилищем, съёмную квартиру, в которой он жил с отцом и матерью? Да и весь этот огромный город, куда родители привезли его десять лет назад, и который за все это время так и не стал для него своим, родным.

У отца в кармане халата «заиграл» мобильник. Он прекратил рубить мясо, отложил топор, вытер руки, достал телефон.

– Да, Галя, слушаю тебя, – звонила мать Леонида.

– Да, что ты!?! – голос отца стал тревожным. Видимо жена сообщила ему нечто неприятное. – А хоть какие-то подробности есть, дом-то цел и мать как?

Отец еще с минуту слушал, что ему говорила жена, потом согласно закивал головой:

– Да, конечно, позвони Оксане, может она что знает.

Леонид вопросительно посмотрел на отца, едва он закончил разговор. Тот же вновь взялся за топор и, понизив голос, чтобы никто больше не услышал, сообщил сыну:

– Матери позвонил дядя Юра. Он там от кого-то узнал, что наш поселок вчера сильно бомбили. Мать беспокоится о бабушке и доме. Вот суки, будь они все прокляты. И так

жизнь тяжелая, так они еще и войну, гады, затеяли, – отец остервенело, словно тех гадов, рубил мясо...

Галина Тарасовна с самого утра предчувствовала что-то нехорошее. Накормив завтраком мужа и сына, проводив их на рынок, она вдруг ощутила ноющую боль в груди. Та боль то затихала, то усиливалась. Недомогание можно было бы отнести на счет неустойчивой московской погоды. Поднялся ветер и синоптики пророчили похолодание. Как и ее сын, Галина Тарасовна за десять лет жизни в Москве, так к ней и не притерпелась, не свыклась. А сейчас она ее просто ненавидела тихой, спокойной ненавистью. И местный климат далеко не в последнюю очередь лежал в основе той ненависти. Разве можно здешнюю промозглость и слякотность, где то же лето таковым можно назвать с большим натягом, сравнить с ее родным Донбассом. Там разве что относительно непродолжительную зиму можно назвать плохим временем года. А все остальное: весна – теплое цветение, лето – теплая сухая благодать, осень – опять тепло и все вокруг созрело, яблоки, груши, арбузы, абрикосы, даже виноград созревает. А здесь почти весь год холод и сырость. Настоящее лето раз в три-четыре года случается, а так не лето, а та же осень.

Конечно, если бы Галина Тарасовна попала в Москву более молодой, да не вынужденно, а по доброй воле, как те, кто сюда приехал с целью ее «завоевания», может она и относилась бы к ней по-другому. Они же всей семьей приехали сю-

да в 2004 году для того чтобы просто выжить. А выживание, это, конечно, еще далеко не смерть, но и полноценной жизнью назвать трудно.

Нет, не только смена погоды стала причиной сердечной боли – Галина Тарасовна исподволь мучило предчувствие какой-то беды. Она не была слишком чувствительной или склонной к чрезмерным переживаниям женщиной и ни за кого попусту не волновалась, ни в молодости, ни сейчас, находясь на пороге старости. Даже за мужа она никогда особо не переживала. Для нее на этом свете было всего два человека, которых она искренне любила – сын и мать. Вот за них она всегда беспокоилась. Но сын тут рядом, а вот мать далеко и, тем не менее, даже через почти тысячекилометровое расстояния Оксана Тарасовна чувствовала, что с ее родной, любимой мамой, что-то случилось.

Сердце не обмануло. Где-то около полудня зазвонил мобильник и высветился номер, проживающего в Курске двоюродного брата мужа:

– Галя, нам сейчас из Донецка позвонили. Вчера был сильный обстрел вашего поселка. Тебе от матери никто не звонил?

Родственник мужа к сердечной боли еще добавил беспокойства. У Галины Тарасовны перехватило дыхание: «Мама, мамочка... милая», – стучало у нее в висках. Сглотнув, застрявший в горле комок, она с трудом ответила:

– Нет... ничего. А это точно, что обстрел?

– Да, точно. У нас тут соседи... ну ты знаешь, оттуда. У них там тоже родичи остались. Так вот, они оттуда позвонили, говорят полпоселка сожжено и разбомблено, и жертвы есть.

Галина Тарасовна поспешила закончить разговор с родственником и тут же стала звонить своей бывшей знакомой, чей дом находился неподалеку от их дома, и через которую осуществлялась связь с матерью. Да, умная и деловая у нее мать. Но ее ум имел чисто житейский, этакий прикладной характер. А вот, что касается мобильного телефона, старой женщине, да еще со слабым зрением, оказалось не под силу эта премудрость.

Номер не отвечал. Галина Тарасовна набирала и набирала. Знакомая, которая обычно не расставалась с мобильником, на этот раз почему-то была вне зоны доступа. Галина Тарасовна позвонила мужу и сообщила о звонке его родича, и то, что не может дозвониться, узнать про мать. Тут же ей пришла мысль позвонить старшей сестре, что она и сделала, закончив разговор с мужем. Сестра тоже жила в Москве и ответила сразу...

Оксана, в отличие от Галины с детства не «глядела в рот матери», а отличалась редкой самостоятельностью. Что называется, всегда стремилась «жить своим умом». Возможно, это основывалось на том, что Оксана в отличие от сестры, с малых лет росла девочкой общительной, бойкой, и имела

тягу к тому, что тогда в советское время именовалось «активной жизненной позицией». Мать всегда осуждала Оксану за ее пионерскую, а потом и комсомольскую активность. Но та к ней не прислушивалась, оставалась верна себе, и вроде бы доказала, что именно она, а не бирюковатые мать с сестрой, живет правильно. Со старших классов школы Оксана рвалась делать карьеру, что мать именovala попыткой «выскочить со своих штанив». Мать же мыслила старыми, можно сказать еще дореволюционными категориями: хозяйство, бережливость, труд прежде всего на своем подворье, на себя. А все эти вошедшие в силу и моду в советское время общественные мероприятия, типа собраний и хлестания языком с трибун, считала пустым времяпровождением. Впрочем, таковым же она считала и казенную работу. Дочерям она с детства внушала: только дома, на своем участке надо трудиться в полную силу, а на работе самое большее в полсилы. Именно благодаря своему небольшому огороду возле дома, щедрым донецкой земле и солнцу, трудолюбию и наследственному крестьянскому умению вести хозяйство, мать, будучи всего лишь раздатчицей в поселковой столовой, после гибели мужа-шахтера, сумела вырастить и поставить на ноги двух дочерей.

Но если Галина искренне считала себя многим обязанной матери, то Оксана все свои жизненные успехи относила на счет своих житейских способностей. Именно житейских, ибо в школе Оксана училась так себе, в этом обе сестры не

преуспели. Своими главными достоинствами Оксана считала свою активность и тягу к столь востребованной в СССР общественной работе. Увы, когда Оксана в 1971 году, закончив школу, поступала в Донецкий педагогический институт её школьная пионерско-комсомольская активность не помогла. Там для поступлению нужны были либо знания, либо блат. Блата у Оксаны не было, а знаний у нее, окончившей школы в основном на тройки, явно не хватило. Она так же на тройки сдала вступительные экзамены и естественно не прошла по конкурсу. Тут Оксане помог случай. Когда в вестибюле института вывесили списки поступивших, и фамилии Оксаны в ней не оказалось, к абитуриентам-неудачникам подошел некий мужчина средних лет, представившийся преподавателем Винницкого пединститута. Он и предложил опечаленной девушке ехать в Винницу, обещая зачисление с набранными ею баллами. Так Оксана поступила в институт, чем была очень горда, ибо никто из ее ближней и дальней родни на тот момент не имели высшего образования.

Впрочем, мать, когда узнала, что старшая дочь поедет в Винницу, и будет там учиться на учителя русского языка и литературы... она радости не выразила:

– И, куды ж тебе Оксанка понесло вид ридной хатини? Жити-то там, де будешь, в общаге, голодувати и холодати? Дурна ты дивка. И чему вчиться-те будешь... кацапской мове? Навищо теби вона!?

Мать Оксаны и Галины была не то, чтобы этакой «щирой»

украинской националисткой, но москалей недолюбливала и время от времени говорила:

– Москали, вони, почитай, вси голодранци. И хозяйства хорошего у них майже ни у кого немає. Ви, девки, за москалив замиж не ходите. За ими голодранками жити будете.

Но это напутствие не только Оксана, но и всегда прислушивающаяся к матери Галина, как путеводную звезду не восприняли. Здесь сказался насаждаемый и в школах, и в техникумах, и в институтах интернационализм. К тому же Донбасс являлся одним из самых идеологически «советских» регионов в СССР, и русские, и украинцы здесь настолько смешались, что разницы меж ними уже не наблюдалось никакой. Это век назад, когда зарождался Донецкий промышленный район, и для работы на шахтах стали привлекать народ... тогда из близлежащих украинских губерний охотников лезть в шахты находилось немного. Жители полтавских, екатеринославских и прочих сел предпочитали сеять гречку и разводить свиней – это было и привычнее и доходнее. Тогда и завезли сюда народ из центральной России, с плохой земли, после многовекового крепостного рабства. Для них, наследственно привыкших к скотским условиям жизни и тяжелейшему, не сулящему большой отдачи труду... Для них труд в шахте вовсе не показался слишком тяжелым, и они полезли в эту преисподнюю и стали рубить уголь.

С тех пор и повелось вот это разное отношение хохлов и москалей к труду и хозяйству, которое для своих дочерей

озвучивала Стефания Петровна Подлесная. Но такие умо-настроения, актуальные в прошлом уже давно стали анахронизмом. К середине двадцатого века подавляющее большинство населения Донбасса стало уже не русское и не украинское, оно стало советским. Однако, в семье Подлесных, как старшая Оксана, так и младшая Галина, несмотря на всю свою внешнюю советскость, имели благодаря матери довольно прочную украинскую ментальную основу. Впрочем, той же Оксане, это не мешало быть на людях сначала пламенной пионеркой, а потом и комсомолкой.

– Оксана, мне сегодня из Курска Мишин брат двоюродный позвонил, говорит, вроде, наш поселок вчера сильно бомбили, много домов сгорело и разрушено, погибшие есть. Я Лизке Кирилловой сразу позвонила, чтобы про маму и наш дом узнать, а она не отвечает, – не скрывая волнения в голосе, поставила в известность сестру Галина Тарасовна.

Оксану Тарасовну звонок, видимо, отвлек от какого-то дела. Она, увидев, что звонит сестра, спросила с явным неудовольствием:

– Ну, что там у тебя, Галя?

Услышав известия о матери и бомбежке родного поселка, она тоже не на шутку встревожилась, хоть к матери той же любви и участия, как сестра никогда не испытывала.

– Ох... ну и огорошила ты меня. Не дай бог... А с домом, с домом не узнала, что!?! – куда больше чем о судьбе преста-

релой матери Оксана Тарасовна забеспокоилась о родительском доме.

– Да, не знаю я. Вот позвонили, что сильный обстрел был и полпоселка сожгли. Я за маму сильно боюсь, – в голосе Галины Тарасовны звучала тревога.

– Да... узнать как-то надо... У тебя там больше некому позвонить?

Оксана Тарасовна не обратила внимания на тревожные нотки в голосе сестры и, привычно, как само-собой разумеющееся, стала взваливать на нее хлопоты по выяснению всего, что имело отношение к их малой родине. А то, как же. Ведь это сестра прожила там большую часть своей жизни, аж до 2002 года. Потому должна иметь с родными местами куда больше «связующих нитей». А Оксана Тарасовна, как в 1971 году поступила в винницкий пед, на родине фактически не жила, только на каникулы и в отпуска приезжала. После окончания института, она благодаря тому, что вышла замуж за сына преподавателя своего института, сумела там же распределиться на работу. Потом там же делала успешную карьеру, доросла до директора школы и едва не стала депутатом ВС УССР. Правда, после развала Союза карьерный рост Оксаны Тарасовны прекратился, и она, не удержавшись в директорах, дорабатывала до пенсии простым учителем. А сейчас... сейчас бывшая директриса уже четвертый год в Москве, работает здесь. Нет, работает не педагогом, а прислугой в богатой московской семье. Таким образом, с

малой родиной, с Донбассом связей у нее фактически давно уже нет.

– Пусть твой Михаил кому-нибудь туда позвонит. У него же какие-нибудь друзья или родичи дальние остались? – сделала очередное руководящее указание сестре Оксана Тарасовна.

– Да, не осталось у него там никого. Вся его родня, еще раньше нас в Курск перебрались, и с друзьями он никогда не перезванивался и телефонов их не знает. Прямо не знаю, что делать и у кого узнавать, – с отчаянием отвечала Галина Тарасовна.

– Вот что Галя, ты раньше времени не паникуй. Я тут со своими делами разберусь, подумаю, что можно сделать и завтра к тебе приеду. Тут такое дело его по телефону не обсудить с бухты-баряхты. Но и вы там прикиньте, может, чего надумаете. А я тут со своими хозяевами договорюсь и завтра у тебя буду, тогда все и решим...

Леонид не раз слышал, когда мать при встрече с тетей Оксаной выясняла с ней отношения на повышенных тонах. Но свидетелем такой откровенной перепалки между родными сестрами ему еще быть не приходилось. Это случилось в понедельник, выходной для всех торговцев, ибо рынок не работал. Отец с утра куда-то ушел, а Леонид сидел перед компьютером и «шарился» по интернету. Тетя Оксана уже по приходу была чем-то сильно недовольна. Сестры уединились

в комнате, выполнявшей функцию родительской спальни, но Леонид даже через закрытую дверь и свои наушники услышал, что они время от времени начинают довольно громко ругаться.

– Ты всегда к маме плохо относилась, и сейчас тебе плевать на нее! – кричала мать.

– Я просто трезво смотрю на жизнь, Галя. Нашей маме восемьдесят три года, она, слава богу, пожила, к тому же вполне может быть, что с ней все нормально. Ты, что предлагаешь, нам с тобой, что ли сейчас туда ехать? Так ведь и мне уже шестьдесят и тебе пятьдесят семь. Чем мы ей там сможем помочь? Мы две уже почти старухи, а там ведь стреляют. Или ты хочешь мужа своего с сыном туда отправить? Я тебе сразу говорю, своего Богдана я туда не отправлю.

Поняв, что мать с тетей говорят о бабушке, Леонид окончательно отвлекся от «компа» и, чтобы лучше слышать, чуть приподнял наушники.

– Оксана, я тебя понимаю, но это же наша мама. Она нас растила, кормила и что с ней сейчас... Надо что-то предпринять, хоть как но узнать. Пожалуйста, помоги, у меня совсем нет никаких мыслей, подскажи, придумай, как узнать что с мамой! – чуть не умоляла Галина Тарасовна.

– А что я могу придумать? – с раздражением отвечала тетя.

– Но ведь просто сидеть и ждать тоже нельзя. Может мама заболела и нуждается в помощи!

– Ну, не знаю, что тут делать. Разве что... Галь, а ты позвони в Киев Чмутову Валере, генерал как-никак. Он наверняка что-то сможет узнать, – тетку вдруг осенило.

За дверью воцарилась тишина. Видимо мать никак не ожидала такого совета, узнать о судьбе матери у своего бывшего ухажера, который был ею отвергнут сорок лет назад, во многом благодаря настоянию именно матери и старшей сестры.

– Не знаю... удобно ли, – наконец, после паузы раздался неуверенный голос матери.

– Что тут неудобного. Объясни ему ситуацию и пусть по своим каналам справки наведет и про дом пусть узнает. Может там ничего особенного и не произошло. Звони Галя, звони, он же давал тебе свой телефон.

– Давал, но я никогда по нему не звонила. Да и он в последний раз уже лет пять назад, наверное, мне звонил, – мать по всему не хотела звонить.

– А чего так? Он же так любил хвастать своими успехами, когда генералом стал, или квартиру на Крещатике получил. Ведь он всегда о том тебе звонил, чтобы напомнить, какого «золотого рыбка» ты упустила, – тетка подначивала мать.

Леонид совсем забыл про интернет, он прислушивался «изо всех сил». Ему было интересно заглянуть под завесу семейных тайн, о которых он мало что знал, да и то понаслышке.

– Да есть за ним такое, но я же говорю, что уже давно не

звонил, видно хвастать нечем. А может он уже и не служит, военные ведь раньше на пенсию уходят, чем гражданские, – словно за соломинку хваталась мать, явно не желая звонить.

– Он не простой военный, а генерал, а они не как все в сорок пять увольняются, а до шестидесяти и даже более того служат. А шестидесяти твоему Чмутову еще нет. Господи, Галь, даже не верится, неужто ты ему после того, как он дал тебе свой телефон ни разу не позвонила? Могла бы просто так позвонить, слава богу, не чужие люди, поинтересоваться, как дела, как дети. Сама бы чем-нибудь похвасталась, как-никак в Москве живешь.

– Нечем мне хвастать. Разве это жизнь, на съемной квартире, муж на рынке горбатится, я без работы, и Ленька по специальности устроиться не может, – глухо отозвалась мать.

– Ну, милая сестрица, сама виновата, надо было тогда за Валерку Чмутова замуж идти, сейчас бы была генеральшей, на Крещатике жила бы, – вновь подначила тетка.

– А не ты ли меня тогда отговаривала с ним встречаться, говорила, что такой никогда в люди не выйдет!?! – вновь повысила голос и перешла на обличительный тон мать.

– Я!?! – тетка явно не ожидала услышать такое обвинение от сестры. – Ну, во-первых, дорогая моя, в таких делах надо своей головой думать. А во-вторых, прежде всего не я, а мама твоя любимая тебя от него отговаривала. Я тогда и дома-то уже почти не жила, я же, когда ты с ним гуляла, уже в Виннице училась, на каникулы только приезжала. А мама те-

бя круглый год, день и ночь обрабатывала... Да, не переживай ты так за это, Галя. Кто же знал тогда, что Валеркин дядя в Донецке, в горьком сумеет подняться и сможет ему помочь. Если бы знать... А так, родители-то то у него никудышные москаль-голодранцы. Мы ж с мамой, что думали, что его Валерку-то после училища, куда-нибудь засунут в Сибирь, на Север или Дальний Восток и ты там с ним намаешься. Вот и отговаривали. Думали, что с Мишкой тебе лучше, спокойнее будет, чем с тем гитаристом. Этот хоть тоже москаль, но тихий, смиренный, всегда тебя слушать будет и никуда не денется. Думали, будете всегда на одном месте, и ни в какую дыру никуда тебе ехать не придется. А оно вон как повернулось. Дядя для племянника сделал столько, сколько другие для родных детей не делают. Всю службу на Украине вон прослужил, да еще и генералом стал. А ты была за маркшейдером, а сейчас за мясным торговцем, – теперь тетка говорила так, будто жалела сестру.

– Ладно, Оксана, хватит, я и сама в курсе, какая у меня жизнь. А у тебя, что лучше? Мужа уже и забыла когда бросила и даже, где похоронен не знаешь. Сын у тебя весь больной, дочь, то ли замужем, то ли нет, не расписанная с мужиком живет. Ты Оксана не меня, себя сначала пожалей! – Мать говорила достаточно громко, словно забыв, что в соседней комнате ее может услышать сын, то ли специально для того, чтобы обязательно услышал.

За дверью вновь воцарилась тишина. Леонид подумал, что

сейчас дверь с силой отворится и оттуда выбежит с перекошенным от злости лицом, тетка. Но этого не произошло, а послышался уже извиняющийся голос матери:

– Оксана, прости... сама не знаю, что это на меня нашло. Мы же обе с тобой несчастны, каждая по-своему. Чего же нам делить-то? Прости ты меня за язык мой...

Не сразу ответила тетка, видимо сама себя успокаивала:

– Ладно, Галь, чего уж... и ты прости меня, если чем обидела.

Сестры довольно быстро примирились, и по звуку материнских всхлипываний Леонид определил, что более сентиментальная мать рыдает на груди куда менее эмоциональной старшей сестры. Но, видимо, поплакаться вволю тетка матери не дала – она твердо вела свою линию:

– Ну, так что, будешь Валерке звонить?

Мать еще повсхлипывала, потом успокоилась, высморкалась и заговорила:

– Сейчас не могу. С духом собраться надо, продумать, что говорить. Завтра позвоню.

– Только не затягивай. Как переговоришь, мне отзовишься. А там думать будем. О, господи, мало у нас проблем, еще привалило. Хоть бы их там всех поразрывало, и тех и этих, а более всего того желаю Януковичу. Вот же гад, наворовал и убежал как заяц. Видела, показывали по телевизору, как он ворованное вертолетами вывозил? Вертолеты еле от земли отрывались. Золото, наверное, вывозил, или доллары в тю-

ках. Все из-за него. Если бы не убежал, ничего бы не случилось, и Крым бы москали не захватили, и в Донбассе никакой войны бы не было. Всех этих Губаревых бы не было, и дом наш цел бы был, и с мамой все бы в порядке было. И я ведь тоже за этого гада голосовала! – в голосе тетки сквозила откровенная ненависть.

– Да чего сейчас о том говорить. Бог его за все накажет. Вот только не могу понять, за что он нас с тобой наказывает, да еще на старости лет, – по голосу матери казалось, что она вот-вот заплачет.

Звонить Валере, то есть Валерию Григорьевичу Чмутову, генерал-майору Вооруженных Сил Украины... Галине Тарасовне действительно для этого нужно было собраться с духом. Она знала, что Валера недавно овдовел, его дети, сын и дочь, выросли и живут своей жизнью и он сейчас фактически один. Нет, Галина Тарасовна даже не думала хоть в какой-то степени возродить давно ушедшее. Да и о каких чувствах можно говорить людям на шестом десятке прожитых врозь лет. Но Галина Тарасовна понимала – сестра права. Скорее всего мог владеть информацией о том, что случилось с их родным поселком именно человек, сидящий в штабе ВС Украины, тем более генерал, для которого тот поселок тоже являлся родным...

Стефания Петровна Подлесная, хоть и являлась шахтерской вдовой, но по натуре как была с рождения, так и оставалась до старости типичной украинской крестьянкой. И никогда бы не перебрались они с мужем из полтавского села, если бы не голод. Да-да, советская власть умудрялась организовать периодический голод не только в засушливом Поволжье, но и на благодатной Украине. А Донбасс манил прежде всего тем, что там шахтеров относительно неплохо снабжали продовольствием, и такой парадокс, когда в одной стране в рядом расположенных областях мог в одних царить голод, а в других вполне приемлемое продовольственное снабжение – это в сталинское время считалось вполне естественным. Тем более, тогда в начале пятидесятых, казалось, что той эпохи не будет конца, когда рабочие в городах и поселках жили в разы лучше, чем селяне. Знать бы, что Сталин скоро умрет и в украинских селах жизнь наладится. Конечно, не поехали бы тогда молодые супруги Подлесные в этот поселок под Донецк. Но кто ж мог предвидеть, что выходцы с Украины на целых тридцать лет Кремль захватят, и про свою малую родину не забудут – дадут ей, наконец, пожить относительно сытно, особенно на фоне плохо снабжаемых российских областей.

Не понравилось Стефании в шахтерском поселке, где их поселили сначала в бараке, потом выделили частный дом с огородом. Но муж на шахте стал прилично зарабатывать, снабжение продуктами тоже было неплохое. Родилась одна дочь, потом вторая и вроде бы все пошло на лад, но в 1962 году, мужа вместе с бригадой завалило прямо в забое, и Стефания осталась одна с двумя маленькими дочерьми на руках.

В первую очередь не нравилось Стефании даже не бытовые условия, а то, что в поселке проживало много русских, или как она их презрительно называла, кацапов. Чем же украинской крестьянке могли не нравится те кацапы, большинство из которых тоже имели крестьянские корни? Возможно, тем, что украинские крестьяне, в отличие от российских не имели за плечами «наследства» в виде трехсот лет крепостного рабства. На Украине таковое не просуществовало и ста лет. Вроде бы мелочь, но неодинаковый «рабский стаж» давал о себе знать в различной ментальности вроде бы родственных народов – украинцы, в среднем, были куда более хозяйственные и домовитые. И еще одно, что в корне отличало большинство русских и украинцев, вышедших из крестьянской среды...

В России повсеместно с крепостных времен имела место сильная община, этакая форма общественной взаимопомощи, которая с одной стороны помогала управлять крепостными, с другой в ее функции входило осуществление помощи слабым крестьянским хозяйствам, за счет сильных, так

называемая «помочь». Вот этой «помочи» на Украине не было никогда. Здесь крестьяне привыкли из поколение в поколение надеяться только на себя, в отличие от своих русских «коллег». С того-то и не могла понять Стефания Петровна, что ее русские соседи постоянно на кого-то надеются, на Совет, Местком, Партком, Государство... ждут от них «помочи», привычку к которой зародилась еще у их далеких предков и прочно вросла в их ментальность. Стефания в основном надеялась на то, что втихаря воровала и приносила со своей столовки, да на свои руки и небольшой огород у дома, с которого она снимала такие урожаи, о которых ждущие «помочи» соседи могли только мечтать. Впрочем, выбивая из госструктур социальную «помочь», те же соседи как бы опровергали девиз: кто не работает – тот не ест. Они жили материально не хуже вдовы Подлесной с ее дочерьми, не потому что хорошо работали, а потому что лучше приспособились к советской действительности.

Когда в 1971 году старшая дочь Оксана уехала учиться в Винницу, младшая, Галя, перешла в восьмой класс. Училась она, так же как и Оксана, в основном на тройки, но в отличие от старшей сестры не имела, ни активистских наклонностей, ни пробивного характера. Возможно, потому Стефания Петровна и любила больше младшую дочь, и та отвечала взаимностью. Галя почти всегда мать слушала и не перечила ей. Стефания Петровна, поняв, что Оксана – отрезанный ломоть, собиралась и дом, и хозяйство передать именно Га-

ле, чтобы при ней и дожить свой век. После восьмого класса именно по совету матери Галя не пошла как сестра в свое время в девятый, а поступила в техникум в Донецке, учиться на маркшейдера. Стефания Петровна так говорила:

– Ти Галю, дивка не бойова, тоби як Оксанке в институт не поступити. А в техникуми вси поступають, и стипендии там платят, и парубкив там бильше, чем дивок. Може, гарного хлопця знайдешь и завмуж вийдешь. Ты девка-то теж гарная. Може, ты краще Оксанки в житти устроишьси з иё институтом, и вид будинку никуди не пойдешь...

Все вроде бы пошло, как и советовала мать. Галя стала учиться в техникуме, познакомилась там с парнем со старшего курса, с их же поселка... Да, вот только парень тот очень уж пришелся не по душе Стефании Петровне. То был Валерий Чмутов.

«Голодранци кацапские» – охарактеризовала хорошо знакомую ей семью Чмутовых Стефания Петровна. Действительно отец Валерия сильно пил, мать была заурядной зачуханной бабешкой. И хоть Валерий рос в полной семье и являлся в ней единственным ребенком, внешне он производил впечатление круглого сироты: вечно голодный, кое как одетый, без носков... Так чего же такого в нем нашла Галя? Валерий обладал для того времени весьма востребованным умением... умением играть на гитаре. Впрочем, сказать, что он хорошо умел играть, было бы слишком смело, тем не менее, тренькал на инструменте он довольно бойко. А умею-

щий хоть как извлекать аккорды на гитаре парень в то время – это всегда центр притяжения сверстников, объект внимания, в том числе и девичьего. И действительно вокруг внешне неприглядного Валерия всегда вертелись девчонки, как в техникуме, так и в поселке. Обычная картина: идет вечером Валера по поселку перебирает струны, а под руки его держат сразу две девчонки.

Когда Валерий учился на третьем курсе, а Галя на первом, он и обратил на нее самое пристальное внимание. И теперь под окнами дома Подлесных его часто видели с гитарой в руках, поющего модный для тех лет хит:

Червону руту,  
Не шукай вечорами,  
Ты у мэне едина,  
Тільки ты одна...

Так Валера вызывал на улицу Галю. И та, одев нарядное платье, с радостью спешила на очередное свидание. Приезжавшая на каникулы Оксана, тоже не одобряла того, что сестра встречается с парнем. Только в отличие от матери она подводила иную основу, согласно своего жизненного кредо: сначала надо самой крепко на ноги встать, а уж потом о танцуйках, поцелуях и объятиях думать. Возможно, тут сказывалось и обыкновенная девичья зависть: сестра такая тюха-матюха, а поди ж ты, у нее парень. А она такая активная, пробивная, а у нее до сих пор нет. То что Галя при все своей «тюхости» имела по сравнению со старшей сест-

рой такой важный женский «плюс» как значительно более привлекательную внешность... Это в то время, именуемое тогда «эпохой развитого социализма», а позднее названного «застоем»... Это как основополагающее достоинство тогда уже как бы и не котировалось, так же как и такие качества, как хозяйственность, бережливость, да в общем и трудолюбие. Все затмила активная жизненная позиция, в которой так преуспевала Оксана. Впрочем, то же трудолюбие, ни в Российской Империи, ни в СССР фактически никогда не считалось фундаментальным достоинством.

Галя молча выслушивала каждодневные упреки матери и периодические (во время студенческих каникул) поучения сестры. Тем не менее, она не прекращала бегать на свидания. В конце-концов Стефания Петровна сама решила поговорить с Валерой, носителем, по ее мнению, стольких вредных качеств (кацап, игрун, певун). Она, не стесняясь в выражениях, прямо ему в глаза высказалась о его никчемных родителях, о том, что яблоко от яблони недалеко падает, а раз так пора ему заканчивать на балалайке тренькать, а думать как он будет жить и обеспечивать будущую жену. А пока он никто и звать его никак, и кроме шахты ему ничего не светит, то о Гале пусть и не мечтает.

Нет слов, как обиделся парень, услышав такое от матери девушки, которая ему нравилась, из-за которой он порвал со всеми своими прежними пассиями. Тем не менее, слова Стефании Петровны Валера принял как руководство к дей-

ствию. На следующем свидании он заявил Гале:

– Знаешь, Галь, а ведь мать твоя кое в чем права. Что даст мне техникум этот? Закончу и в шахту полезу. Это тебя как девчонку где-нибудь наверху в конторе пристроят, а мне-то только туда дорога. Я вот что решил, после техникума поступать в наше Донецкое военно-политическое училище. Там на замполитов учат. А замполиты сейчас в армии самая перспективная профессия. Они и растут по службе хорошо и та же служба у них не в пример прочим офицерам куда легче.

Галя не выразила особого восторга по этому поводу:

– Ой, Валер, а мама говорила, что в военные сейчас идут только те, кто в плохих местах живет, чтобы оттуда уехать и больше там не жить. У нас-то тут места хорошие, а тебя потом могут куда-нибудь в плохое загнать, где жить невозможно. Зачем из хорошего-то места уезжать? Потом ведь придется до пенсии строем ходить да в солдатики играть, ни дома своего, ни хозяйства. Подумай Валера, стоит ли?

– А что здесь на шахте, или на заводе, лучше, что ли? – недовольно отреагировал Валера, но задумался.

– Ну, не знаю, – неуверенно отвечала Галя. – Не обязательно же в шахту лезть, можно и по-другому устроиться.

– Как устроиться? Чтобы хорошо зарабатывать, это только на шахте, или на вредном производстве. А там либо завалит, как твоего отца, или надышишься чем-нибудь и все одно раньше времени концы отдашь...

Не разубедила Галя тогда Валеру. Закончив техникум в 1973 году, он тут же подал документы на поступление в Донецкое Высшее Военно-Политическое училище. Прав был Валера – в том училище действительно готовили самых перспективных на тот период офицеров-политработников. Но чего он не мог знать по молодости и неопытности, что престижность замполитской профессии провоцировала необычайно большой конкурс поступающих абитуриентов, среди которых имелось много блатных и «позвоночных». Когда Валера узнал, что конкурс достигает двенадцати человек на место, его уверенность на успешное поступление сильно поколебалась. Ко всему и техникумовская программа сильно отличалась от общешкольной, на основе которой строились вступительные экзамены. Для беспроblemного поступления нужен был блат. Но в родне Валерия только дядя, брат матери, сумел вылезти с социального низа, да и то не очень высоко – стал средним чиновником в Поссовете. Когда Валера, узнав про конкурс, обратился к нему за помощью, дядя лишь замахал руками:

– Ты что, это же ДВВПУ, туда надо из самого Донецка из обкома, горкома или на худой конец из какого-нибудь райкома продавливать. Это не мой уровень.

Оставалось надеяться на чудо. Но чуда не случилось, Валера срезался на первом же экзамене, получив двойку за сочинение. И уже осенью того же года его забрали в армию. На том фактически и закончились отношения Гали и Валеры.

Зато, тот факт, что настойчивый ухажер наконец-то исчез из поля зрения дочери, очень обрадовал Стефанию Петровну. Однажды, застав дочь за чтением письма из армии от Валерия, она откровенно как всегда сделала руководящее указание:

– Перестань з ним знатися, и на листи не отвечай! Не ба-чишь, з ньёго толку не буде, тильки лиха наживешь. До кого иншого подивися. Що навкруги парубкив больше немає?

Галя привыкла слушаться мать, хоть в случае с Валерой, она и поступала против ее воли. Но тогда он был рядом, почти каждый вечер приходил к ней под окна, играл на гитаре. Сейчас он был далеко и Галя, как-то постепенно повинуюсь советам матери, стала «смотреть по сторонам», стала реже отвечать на письма и, в конце концов, близко познакомилась со своим сокурсником Михаилом Прокоповым. Увы, и он не понравился матери. Но если Валерий не понравился, прежде всего потому, что из нищей семьи и сам какой-то шабутной игрун, то Михаил по ее мнению был уж слишком скромным, тихим. Ну, и конечно не нравилось Стефании Петровне, что и этот ухажер ее дочери оказался русским:

– Ой, доня, та що ж воно таке. То один москаль за тобою ходив, тепер другий. Та де ж ты их знаходишь!? Хоть би яко-кого нашего хлопця спиймала?

Тем не менее отношения Гали и Михаила, сначала вроде бы не имевшие никакой перспективы... Ну, какая он ей пара: она рослая, фигурная, в общем «гарна дивчина», а он

невысокий невзрачный паренек. Тем не менее, чем дальше тем больше они друг другу, не то чтобы нравились, а скорее привязывались. Они рядом сидели во время техникумовских занятий, вместе готовились к экзаменам и семинарам, передавали друг другу шпаргалки. Матери оставалось только сокрушаться:

– И на кого ж ты, доня, хочешь життя свою положити... на этого малэнкого и страшненького? Та з твоею красою можна в таку семью увийти, иде уси, начинаючи з дидив з начальников не вилезали. Ось дивися, що Оксанка то пише. Вона у себе в институте с сином институтского начальника познакыймилась, як же вин там звется, декан здається. Во як зумила. А хйба ж поравняешь ее красу з твоею?

Но Галя вновь послушала не мать, а свой «внутренний голос». Рядом с Михаилом было как-то основательно, спокойно и надежно. Он в отличие от Валеры не научился играть на гитаре, но и никуда не рвался. Если Валерий сразу обозначил себя лидером в их «тандеме», то здесь, напротив, Михаил целиком и полностью отдал ей инициативу и, казалось, готов был выполнить любое ее желание. И Галя сразу поверила – Михаил никогда не изменится и останется таким навсегда.

Летом 1975 года, когда Галя и Михаил сдавали госэкзамены в техникуме, в поселке, после полутора лет армейской службы неожиданно объявился Валера, в военной форме с сержантскими лычками на погонах и россыпью военных значков на груди. Думали, что он прибыл в отпуск, но ока-

залось, что приехал вновь поступать в ДВВПУ. Узнав, что Галя уже прочно «ходит» с Михаилом... Впрочем, это Валера уже знал по письмам от своей матери, да и переписка с Галей совсем заглохла. Он сделал попытку вернуть все «на круги своя», явился к дому Гали в форме с гитарой. Стефания Петровна просто прогнала его. Валера все же не мог не встретиться с Галей. И встретились, и заколебалась Галя, когда он обнял ее и начал ласкать... В этом деле Михаил, конечно, сильно уступал Валере – уж очень робким был, даже поцеловать спрашивал разрешения Гали. А Валера действовал по своему, безо всякого разрешения обнимал, трогал за бедра, грудь, проникал под юбку. Это бесстыдство на многих девчонок действовало ошеломляюще, делало их податливыми...

Здесь на каникулы приехала, перешедшая на последний курс института, Оксана. Мать не преминула ей пожаловаться, что «игрун» Чмутов опять сбивает Галю с «пути». И Оксана поговорила с сестрой:

– Пустой он этот Валера. Мать тебе верно говорит – не выйдет с него нормального человека. И в училище это он не поступит также, как и в первый раз. Я про это училище узнавала. Туда без блата никак, конкурс, говорят, как в лучших московских ВУЗах. А откуда у него блат? Да еще за то время, что в армии пробыл, наверняка, совсем забыл, чему его учили в школе и техникуме – экзамены не сдаст...

Много еще чего говорила Оксана, поднаторевшая за го-

ды студенчества в житейских и прочих вопросах. Привела в пример себя, что вот у нее парень так парень, не голь перекатная, а сын декана. Что с того, что рохля, да и выпить не дурак. Зато у них уже все обговорено. После института сразу женятся, и его папаша так устроит, что ни он, ни она не поедут на обязательную отработку диплома в село, а останутся в самой Виннице. Вот так надо замуж выходить. В общем, совместными усилиями уговорили. На очередное свидание Галя не вышла, хоть Валера долго играл свою призывную «Червону руту»...

Права и неправа оказалась Оксана. Действительно, если Валера не смог сдать экзамен два года назад, то сейчас у него тем более не имелось шансов на их успешную сдачу. Но конкурс для тех, кто поступал с «войск» оказался не столь высок, как среди гражданских абитуриентов, хотя пять-шесть человек на место и тут набиралось. Как и следовало ожидать, Валера вновь срезался на первом же экзамене – он опять завалил сочинение. Но вот в чем Оксана ошибалась, что у Валеры нет блата. Да в 1973 году его не было, но за прошедшие года тот самый дядя, которому вrede бы не светила особая карьера, он сумел перебраться с Поссовет в Донецк, в Горсовет. И хоть и там он стал не бог весть каким значимым чиновником, но сумел приобрести немало влиятельных знакомых, с которыми вместе работал, пил водку... У дяди не было детей, потому к племяннику относился как к сыну и он очень переживал, что не смог ему помочь тогда, в первый

раз. Сейчас же перед экзаменами он обнадежил Валеру, что уже может помочь, если возникнут проблемы...

И вот Валера, едва узнал что получил «пару» по русскому и литературе, вместо того, чтобы идти в строевую часть училища и получать проездные документы до своей воинской части, он перелез забор и добежал до ближайшего телефона-автомата и, позвонив, объяснил ситуацию дяде. Тот тут же пообещал «решить все вопросы». Когда Валера вернулся в казарму и улегся на свою койку, прочие абитуриенты удивились, почему он не готовится к отъезду, ведь он получил двойку.

– Успею, хочу эту ночь здесь переночевать, – уклончиво объяснил свое поведение Валера.

Поздно вечером, когда все двоечники уже покинули училище, в распоряжение пришел подполковник, начальник сборов абитуриентов и, отозвав Валеру в коридор, вполголоса сообщил, чтобы он готовился к следующему экзамену – Истории. На вопрос, как быть с сочинением, подполковник ответил, что его ему позволят пересдать, вместе с потоком гражданских абитуриентов, у которых экзамены начались позже. Видимо, дядя успел подключить свои связи, что и дало скорый и эффективный результат. Это Валера почувствовал уже на следующих экзаменах, где к нему отнеслись весьма благосклонно и явно завысили оценки. Так Валера Чмутов поступил в ДВВПУ. Блат во все времена всемогущ и счастлив тот, кто его имеет. Тогда это счастье вдруг

свалилось на Валеру.

Звонок от Галины Тарасовны застал Валерия Григорьевича врасплох. Ведь она ему еще никогда не звонила. С тех самых пор, когда их жизненные пути бесповоротно разошлись, они встречались и перезванивались крайне редко и только по его инициативе. С годами не проходило желание показать бывшей возлюбленной, какого она сваяляла дурака, променяв его на этого рохлю Мишку Прокопова. Каждая их мимолетная встреча за все эти десятилетия явилась ярмаркой тщеславия с его стороны. Этому, конечно, способствовало то, что ни самой Гале, ни ее мужу успех по жизни не сопутствовал. Они как начали после техникума так почти до конца советской эпохи работали маркшейдерами, Михаил под землей, Галя наверху в конторе. На излете той эпохи шахты стали массово закрывать как нерентабельные, и они оба вообще работали не по специальности за мизерную зарплату.

А вот у Валерия... вернее у его дяди дела еще в семидесятые пошли в гору, он сумел перебраться из Горкома в Обком и стал там довольно «весомым» человеком. И племянника он не забывал, постоянно оказывая ему помощь. Валера в училище учился, так же как и в техникуме, то есть отличником не был и по окончанию не имел права выбора места службы. Тем не менее, он не поехал ни «париться»

в Среднюю Азию, ни мерзнуть на Север, или в Сибирь, ни на Кавказ, терпеть соседство джигитов со специфической ментальностью. Дядя включил свой уже немалый «административный ресурс» и Валера распределился в Киевский военный округ. О таком распределении могли только мечтать выпускники всех без исключения военных училищ тогдашнего СССР. Дядя, правда, предупредил, что за пределами Донца его «ресурс» уже не действует и дальше Валере придется рассчитывать только на свои силы.

Что являлось главным для советского политработника? Это, прежде всего, шустрость, хорошо подвешенный язык, ну и, понятное дело, политическое чутье. Шустрым Валера был от природы, ну а язык и чутье ему «поставили» в училище. Потому, попав в войска, он стал преуспевать, иной раз, куда больше, чем его сокурсники, лучше его учившиеся. Правда, имелась у него одна очевидная слабость – он довольно долго не женился. Холостяк-замполит? А ведь в его обязанности входила обязательная работа с семьями военно-служащих. В общем, Валере не раз намекали, что с женитьбой лучше не тянуть, ибо это может отрицательно сказаться на карьере. Как всегда девушек и женщин вокруг него крутилось в избытке и многие были с ним не прочь... Но Валера ждал Галю, ждал даже тогда когда узнал, что она вышла замуж за Михаила. В конце концов это вылилось в реальную для него опасность. Разгорелась афганская война и Валеру как холостяка могли туда отправить в первую очередь. Перед

ним и поставили вопрос ребром, да не кто-нибудь, а непосредственный начальник... начальник политотдела дивизии – либо Афган, либо женитьба на его перезревшей дочери. Продолжать ждать даже не журавля в небе, а синицу, которая и без того давно улетела к другому? Валера предпочел жениться на нелюбимой, некрасивой, старше себя девушке... обеспечить себе карьеру и «увернуться» от смертельно опасной командировки. Ко всему эта женитьба позволила избежать также маячившей перед ним замены в какой-нибудь «горячий» или «холодный» военный округ. Вскоре он поднялся в должности до замполита батальона, что открывало дорогу для поступления в академию.

Пока Валера учился в Военно-Политической Академии имени Ленина, тесть сумел с дивизии перевестись в политотдел округа. И хоть генералом он не стал, но сумел «выдержнуть» зятя после академии опять-таки в Киевский Военный Округ. Так и прошла вся служба Валеры в родной, богатой и обильной Украине.

После развала Союза и формирования ВС Украины, там в первую очередь стали смотреть... Нет, не как в армиях большинства других вновь образовавшихся независимых государств, не на национальность того или иного офицера, а на то, где он служил в советские времена и на его отношение к «незалежности». И оказалось что подполковник Чмутов один из немногих, кто и родился на Украине, и училище тут же закончил, и служил все время... за исключением трех

лет обучения в академии. В общем, по анкетным данным Валерий Григорьевич очень даже подходил для вновь организуемой украинской армии, к тому же у него хватило ума выучиться бегло щебетать на «мове». Он успешно прошел переаттестацию и вскоре стал полковником украинской армии. Здесь он уже сам «толкался», ибо и дядя и тесть давно пребывали на пенсии. И, наконец, он дослужился до генерала...

И вот «рельсы» по которым он столько десятилетий успешно ехал, привели в «тупик». Этот «тупик» обозначился как-то вдруг, и причиной стала неожиданная череда событий. В какие-то считанные недели Украина потеряла Крым, потом возник военный конфликт в Донбассе, в котором украинские вооруженные силы показали свою крайнюю неэффективность, и даже беспомощность. Они не могла справиться с военными формированиями сепаратистов, составленных из вчерашних шахтеров и трактористов, подкрепленных прибывшими из России наемниками. Высшие штабы украинской армии охватила всеобщее нервная шпиономания – все искали виновных в факте этой вопиющей небоеготовности. И Валерий Григорьевич предчувствовал, что он вполне может стать одним из этих виновных, может оказаться крайним. Конечно, легче всего объявить виноватым в низком моральном духе личного состава бывшего советского политработника, да еще предпенсионного возраста. Такого обвинить и уволить и просто и выгодно, чтобы отвести угрозу от более молодых и перспективных. Да-да, став ге-

нералом Валерий Григорьевич автоматически перестал быть перспективным, его уже никто не тянул и не прикрывал, напротив, всякий норовил подставить подножку. Все это время Валерий Григорьевич ощущал себя, как бы болтающемся в пространстве, не чувствуя под собой твердой почвы. Как никогда он чувствовал, какая разница между Россией и Украиной. В России имел место традиционно стабильный, сильный центр власти с многовековыми традициями. И кто бы там не приходил «к рулю», все равно на местах, в провинции этого «руля» с большей или меньшей степени эффективности слушались. Увы, Украина за полтора десятка лет независимости такого руля обрести так и не смогла. И сейчас как никогда казалось, что Украину куда-то неуправляемо несет. События на киевском майдане, бегство Януковича, отторжение Крыма, и вот, наконец, фактически полномасштабная война в Донбассе. Русскоязычный восток Украины, словно устал от безалаберности, безволия и коррумпированности киевской власти, и в то же время, словно соскучился по сильной, имперской, хотя тоже изрядно коррумпированной российской.

Звонок застал генерала Чмутова на службе. Он когда-то так жаждал услышать ее голос, сейчас... Все прошло, все перегорело. Галина тревожилась за судьбу матери, просила разузнать, что с ней, цел ли их дом. Чем он мог помочь? Броситься выяснять, что с их родным поселком и жива ли Стефания Петровна, та самая, что когда-то разрушила их лю-

бовь? Нет, он не испытывал былой неприязни к матери Гали. К тому же он просчитал свой жизненный путь в случае, если бы женился на Гале... Становилось очевидным, что он наверняка бы не сделал карьеры и уж точно не стал бы генералом. Он, в общем, был бы не прочь и помочь, но он не мог, ничего, совсем. Это ей в Москве казалось, что он, имея такой чин, в Киеве большой начальник и в курсе всех дел. А на самом деле он мало чего знал о том, что творится там, в Донбассе, в зоне активных боевых действий. Да и не только он, отвечавший за воспитательную работу, так же мало, что знали генералы занимавшие в штабе ВС ответственные командные и оперативные должности. В основном они лишь делали вид, что чем-то заняты, кем-то командуют, управляют, разрабатывают документы, отдают руководящие указания, или даже приказы, которые либо вообще игнорируются, либо исполняются с опозданиями, частично. В украинской армии, так же как и во всей Украине не было настоящего волевого и твердого командного центра. В результате, огромные запасы стрелкового оружия, боеприпасов, техники, обмундирования, продовольствия... все что досталось Украине в наследство от СССР. А это забитые под завязку склады трех общевойсковых округов: Киевского, Одесского и Прикарпатского. Почти все это за постсоветский период либо сгноили, либо безбожно разворовали и продали. Валерий Григорьевич, так часто возглавлял комиссии по расследованию этих хищений, что как никто знал истинное нутро

украинской армии. Нет, он не негодовал, скорее, досадовал, что сам в той «торговле» никак не мог принять участия. Это в советское время политработники были «люди с большой буквы», а в постсоветское таковыми стали те, кто оказался поближе к «корыту». Так было и на гражданке, так было и в армии. А к армейскому корыту конечно ближе всех оказались тыловики и некоторые строевые командиры, они и обогащались.

И в результате, состояние армии оказалось таково, что его наиболее полно охарактеризовал один депутат Верховной Рады: «У нас в армии почти ничего не заводится, не летает, не стреляет...». Крым вообще оборонять оказалось некому. Ну, а для АТО в Донбассе едва наскребли относительно боеспособные части. В ходе боевых действий сразу выяснилось, что у частей ВСУ слабый моральный дух и низкая воинская выучка. Вновь формируемые добровольческие батальоны нацгвардии, как правило, кроме патриотического рвения ни чем от срочников не отличались. К тому же они оказались склонны к партизанщине и игнорированию приказов командования ВСУ. И что мог знать Валерий Григорьевич, при таком управлении и исполнительности, о положении в зоне боевых действий? Кто обстрелял его родной поселок? Да кто угодно. Могли и ВСУ и нацгвардия. Могли обстрелять по ошибке, случайно, а то и по-пьяни. То же самое могли и сепаратисты, тем более у них появились соответствующие огневые средства. В штабе никто даже тол-

ком не представлял против кого воюет армия. То, что банды местных донецких отморожков и прибывших к ним на подмогу солдаты удачи из России, могут противостоять хоть далеко и не самой сильной, но, тем не менее, регулярной армии довольно большой европейской страны – в это как-то не верилось.

Валерий Григорьевич вроде бы озаботился просьбой Галины Тарасовны, пообещал выяснить, что там произошло. А что он мог еще ей сказать? Что он не тот генерал, который напрямую командует войсками? Или то, что ему в последнее время вообще не доверяют, и скорее всего он один из вероятных кандидатов на скорое увольнение? Хорошо если вообще крайним не назначат, и не свалят на него вину за низкое морально-психологическое состояние в войсках...

Галина Тарасовна после звонка Чмутову, по его тону сразу поняла что, несмотря на обещания, он вряд ли что-то сможет выяснить про мать достаточно быстро. Более того она осознала, что ему просто не хочется заниматься этим хлопотным делом. Все это словно выбило какую-то «опору» в ее сознании. Вся жизнь, все, что она в ней делала, вдруг потеряло всякий смысл, в связи с возможной потерей матери и родного дома. Она обычно с Леонидом почти каждый год приезжала к матери, приезжала к себе домой, на родину. Там она с гордостью хвастала перед знакомыми и соседями, что живет в Москве. Мать, хоть и не изжила былой неприязни к

кацапам, тоже любила прихвастнуть:

– У мене оби дочки в Москви живуть.

Действительно живут. Но как, что имеют, нажили за жизнь? У Оксаны хоть имеется трехкомнатная квартира в Виннице, в которой сейчас живет ее дочь. А у Галины, ее семьи? Если разрушен, или сгорел родительский дом, у них получается вообще ничего нет!... Живут в Москве? Живут, но где? Оксана в большой квартире хозяев, у которых работает прислугой, хоть она сама себя гордо величает экономкой. А Галина с семьей вот уже десять лет мыкается по съемным квартирам. А сколько нервов стоит этот съем квартиры. С нее в любой момент могут и хозяева выгнать, и участковый постоянно придирается, деньги жмет.

Семья Прокоповых снимала трехкомнатную квартиру в одном из спальных районов юго-востока Москвы. Вернее, они снимали там две комнаты, а в третьей были свалены вещи хозяев. Хозяева простые москвичи, немолодые брат с сестрой, которым эта квартира досталась по наследству от их родителей. Брали они по московским меркам не так много, по 800 долларов в месяц. Тем не менее, для семьи Галины Тарасовны, то был немалый расход. До Москвы они пытались устроиться в Курске, куда приехали из Донбасса в 2002 году, вслед за родственниками Михаила. К тому времени родственники уже занимались торговлей мясом. Они прописали Прокоповых в Курске, помогли оформить российское гражданство. Все бы хорошо, но на периферии тор-

говля мясом не приносила большой выгоды, ибо население там было в основном бедное и мяса покупало мало. Тогда-то на сходе всех родственников, типа семейном совете, решили попробовать выйти на московский рынок. А кому ехать в столицу, чтобы реализовывать мясную продукцию? Предложили Михаилу. Тогда, конечно, ни он, ни Галина особо не рвались вновь менять место жительства, срывать со школы сына. Но родственники повели себя жестко, дескать, вы еще и здесь не обвыклись, а у нас уже «место нагрето», так что вам ехать удобнее всех. Делать было нечего, не подчинение стало бы черной неблагодарностью за прописку и гражданство. Пришлось ехать в Москву. В отличие от отца и матери Леонид, которому тогда исполнилось 12 лет, в Москву ехал с радостью. Курск ему не нравился, а Москва... Москва она всегда манила прежде всего молодежь.

Ну, а родители ехали в Москву со страхом, знали, что она «слезам не верит», и что жизнь там дорогая, цены запредельные. В том же Курске можно месяц жить на те деньги, которых в Москве и на неделю не хватит. Много возникло по первому времени проблем и со съемом квартиры, и с устройством Лени в школу. Потом стало полегче, но все равно за эти годы не только Галина Тарасовна успела возненавидеть Москву, избавился от детской романтики и Леонид. Михаил Николаевич, тот молча терпел все тяготы и сразу по уши влез в торговые дела на продовольственном рынке. Как ни странно, Галина Тарасовна после нескольких лет москов-

ской жизни, вдруг осознала, что жить желает только здесь, в этой ненавистой Москве, даже пусть на птичьих правах. Да, дорогая здесь жизнь, неприятная, тесная, суетливая, плохой климат, тем не менее, в сухом остатке – лучше жизни нет нигде, ни в России, ни на Украине. Да чего там, такой жизни нет в большинстве бывших советских республиках. Недаром же отовсюду лезут именно в Москву, а уж азербайджанцы, армяне и грузины, ради жизни в Москве проявляли просто чудеса находчивости и изворотливости. Так было и во времена СССР, так осталось и в постсоветское время.

В 2010 году, также в Москву, оставив квартиру в Виннице дочери, приехала Оксана Тарасовна и посмотрела, как живет сестра. Она спросила:

– Деньги копите?

– Копим, – со вздохом ответила Галина Тарасовна, давая понять, что накопление идет туго.

Меж сестрами давно уж незримо наметилось что-то вроде соревнования: кто лучше устроится в жизни, некрасивая, но активная и всегда жившая «своим умом» Оксана, или красивая, но инертная, прислушивающаяся к матери Галина. И вроде бы всегда с большим отрывом «лидировала» Оксана. Правда в одном, весьма важном аспекте она явно уступала младшей сестре. Оксана вышла замуж «с интересом» и вышла неудачно, ибо фактически не познала счастья семейной жизни с мужем. Тот самый сын декана, которым она хвастала приезжая на каникулы, оказался пьяницей и гулякой, да

к тому же и со слабым здоровьем. Они прожили всего-ничего, у них родился сын, а дочку Оксана рожала уже будучи разведенной, и более замуж так и не вышла. А вот Галина как вышла за Михаила, который и в молодости готов был с нее пылинки сдувать и до сих пор любил... так и жила с ним уже более тридцати лет. Правда и у них далеко не все гладко в семейной жизни. Это у Михаила к Галине имела место сильное и не проходящее чувство, а у нее... Она нет-нет, да и вспоминала Валерия – первая любовь она особенная.

Особым испытанием на прочность семьи Прокоповых, стало то, что Галина долго не могла забеременеть. Не больно дипломатичная Стефания Петровна не раз по этому поводу предьявляла претензии зятю. Типа, вроде ты ничего мужик, не пьешь, не гуляешь, а вот с «этим» делом у тебя видно не того. И Галине мать не раз выговаривала: не того нашла, пустой оказался. Приводила в пример Оксану:

– У ней хоч и пьяничка задохлый, а двоих дитэй змиг зроби. А з цього кака користь? И в начальство николи не вийде, и до мушцинского делу негожий..

Учитывая, что Галя и Михаил жили в доме Стефании Петровны, слушать такое зятю было весьма нелестно. Другой бы не выдержал. Но Михаил все сносил стоически, и Бог их в конце-концов вознаградил. В 1991 году, когда Гале и Михаилу исполнилось по тридцать четыре года, наконец-то и у них появился ребенок, сын. Тем не менее, теща продолжала гнобить зятя до самого 2002 года, пока они не уехали. Впрочем,

отъезд был спровоцирован не Стефанией Петровной, а тем, что к тому времени выживать в Донбассе, тем, кто имел отношение к шахтерскому труду, стало сложно. Массовое закрытие неперспективных шахт и предприятий их обслуживающих – все это провоцировало безработицу и чемоданное настроение.

Не только такая жизнь опротивела Галине Тарасовне. Ей глубоко противен был и бизнес, которым занимался муж и его родня, эта мясная торговля. Стоять за прилавком? Разве когда-нибудь она думала, что к старости жизнь заставит ее именно к оному встать. Но куда деваться, если ее семья жила за счет этой торговли. Слава Богу они, наконец, смогли снять подходящую квартиру. У них появились, хоть и не так много как хотелось, но достаточно средств, чтобы оплатить учебу сына в колледже, где он учился на программиста. Не забывали и откладывать, правда, нерегулярно и опять же не так много как хотелось, но откладывали.

Учился Леонид, как выяснилось впоследствии, напрасно. Ему казалось, что престижная профессия, поможет утвердиться в московской жизни, но... Когда он окончил колледж, в котором обучение стоило семьдесят тысяч рублей в месяц... К тому времени программистов в Москве, причем с институтским образованием и куда более качественной подготовкой, чем после колледжа, стало, как говорится, пруд пруди. Леониду хорошо оплачиваемой работы просто не на-

шлось. Он устроился айтишником в школу, в которой когда-то учился. Но там ему положили зарплату всего в 22 тысячи рублей, а работы со школьным сайтом, отправлением, приемом и обработкой школьной электронной почты оказалось много. К тому же многие учителя, особенно старшего поколения, плохо владели компьютером, и ему приходилось работать и за них.

Попытался Леонид поработать, как ему казалось, в серьезной фирме в офисе системным администратором. Но его там, в основном, использовали как ремонтника. В сети той фирмы работало несколько десятков компьютеров и постоянно случались поломки. Из-за недостаточного опыта далеко не всегда Леониду те поломки удавалось исправлять, что существенно сказывалось на его зарплате. Но самым тяжким испытанием в той фирме стало поиск разрывов в кабелях, образующихся в результате наличия в помещениях офиса, вернее под ними, подвала, кишашего мышами и крысами. С наступлением темноты они поднимались по воздуховодам и щелям в офис и лакомились этими кабелями, нарушая сетевую проводку, что иной раз становилось причиной коротких замыканий. Поиск перегрызенных кабелей тоже повесили на Леонида. Таким образом, он вместо того, чтобы сидеть за компом, бегал с тестером по офисному помещению и искал порывы. Иной раз приходилось просто ползать в поисках таковых. Муторная работа. К тому же за нее платили всего 25 тысяч.

В общем, Галина Тарасовна, после нескольких месяцев такой работы, когда сын вместо положенных восьми часов работал минимум по десять в сутки и получал за это по московским меркам гроши... Она потребовала, чтобы Леонид бросал эту даровую каторгу и подыскал себе, что-то получше. Увы, найти работу по специальности с окладом более 30 тысяч никак не получалось. Он попытался «делать деньги» в интернете, скачивая и перепродавая ролики с платных сайтов. У него ничего не получилось, да и это было весьма рискованно. В конце-концов пришлось идти на рынок помогать отцу. Тем более, что мать перед пенсией хотела хоть немного поработать в Москве в какой-нибудь госструктуре, чтобы на ту же пенсию уже уйти с «московской» работы, что сулило немалые льготы. Она устроилась администратором в гостиницу. Работа тоже оказалась нервотрепной, малооплачиваемой, но приходилось терпеть. Сын же стал вместо нее к прилавку на рынке.

По достижении 18 лет Леонида стали доставать повестками из курского военкомата, к которому он был официально приписан. Родственники сумели его «отмазать», конечно же вычтя сумму заплаченную в военкомате из доли родителей в мясной торговле. Но теперь Леониду было необходимо ежегодно ездить в Курск, чтобы подтвердить свою «негодность» к воинской службе.

Галина Тарасовна с трудом дотерпела в своей гостинице до 2012 года, когда ей исполнилось 55 лет, после чего неза-

медлительно вышла на пенсию. Увы, пенсия у нее получилась мизерная, куда меньше, чем она могла бы иметь, если бы не развалился Союз, и она бы ушла на нее со своей маркшейдерской службы. В общем, если бы да кабы... Но Галина об этом «если бы» думала постоянно и просто ненавидела, тех кто по ее мнению развалил Союз, в котором, как сейчас выяснилось, она и ее семье жили не так-то и плохо. Ей казалось, что в том Союзе все или большинство жили так же, в общем неплохо. И зачем было крушить ту жизнь? Она ведь тогда никуда не выезжала с Донбасса дальше Крыма, где отдыхала в ведомственных санаториях, потому не могла знать, как живут в Союзе в других местах. Об том ей сообщил уже в Москве один из ее нынешних квартирных хозяев...

В 2013 году работники московских коммунальных служб резко повысили плату за пользование горячей и холодной водой, прежде всего для тех квартир, где не стояли водосчетчики. Так как коммунальные платежи в снимаемой Прокоповыми квартире оплачивали хозяева, они решили срочно поставить водосчетчик. Для установки и оформления документов в сдаваемую квартиру прибыл брат, мужчина немного старше Галины Тарасовны, и на ее взгляд по внешности типичный москаль. Что значит типичные москали? Это далеко не те русские, что проживали на Украине, в частности в Донбассе, это даже не те русские, что живут на юге России, на Дону и Кубани. У вышеперечисленных русских очень много общего с украинцами, к этому типу относились и Валерий Чмутов, и Михаил Прокопов. Роднил с украинцами южных русских и говор, прежде всего мягкое «ге» в отличие от твердого северорусского-москальского. Если говорить о внешности... Ну, не могут не отличаться антропологически люди, чьи многие поколения предков жили в степях, от потомственных жителей лесов. И ментальность от многовекового проживания в совершенно разных условиях у них часто совершенно разная. Ведь одной жизнью они жили только в советское время, а до того много столетий совершенно разными.

И этот москаль сразу не понравился Галине Тарасовне, впрочем, как и она ему. Пока ждали бригаду по установке счетчиков, Галина Тарасовна о многом переговорила с хозяином квартиры. В ходе того разговора и выявилась та разница в ментальности меж «хохлами и москалями», хотя изначально Галина Тарасовна собиралась говорить всего лишь о том, чтобы хозяева зарегистрировали их на этой жилплощади:

– Нас участковый уже задолбал. Говорит, раз вы здесь не зарегистрированы, то и не имеете права проживать. Понятно, что он просто хочет, чтобы мы ему заплатили. Но для нас это слишком накладно. Я говорила с вашей сестрой по этому поводу, но она ссылается на вас, говорит, что вы против, – попыталась, что называется «поставить вопрос ребром» Галина Тарасовна.

– Да, я против. Но если вы хотите, чтобы все было по закону и участковый бы к вам не прикапывался, давайте заключим официальный договор, и тогда мы вам будем сдавать квартиру официально, с налоговыми отчислениями. Только, сами понимаете, платить-то по факту вам придется больше, – хозяин издевательски улыбнулся, явно давая понять, что вопрос с участковым его совершенно не касается, и квартиросъемщики должны его решать сами.

«Проклятый москаль», – подумала про себя Галина Тарасовна и демонстративно оборвала разговор. Впрочем, вскоре приехала бригада по установки водосчетчиков, и хозяину

тоже стало не до разговоров.

Решение вопроса с участковым стоил Прокоповым еще пары тысяч рублей в месяц. Все эти траты вкупе с учетом инфляции ставили крест на самом главном – накоплении достаточной суммы для покупки своего жилья в Москве. Хотя в глубине души Галина Тарасовна осознавала, что даже если бы не было этих дополнительных трат, инфляции, даже если бы они не потратили впустую деньги на учебу сыну, даже если бы сэкономили на всем, вплоть до еды... Даже тогда вряд ли бы им удалось накопить денег на квартиру – жилье в Москве было просто запредельно дорого. Черной завистью завидовала она москвичам, которым жилье здесь досталось по наследству, завидовала московским пенсионерам, которые имели немалые социальные льготы по оплате жилья, бесплатно пользовались общественным транспортом и т.д. Местные пенсионеры имели возможность вполне достойно жить в этом невероятно дорогом городе. Увы, она, даже выйдя на пенсию, всеми этими льготами пользоваться не могла, ибо имела курскую прописку и ей они не полагались, и за все приходилось платить сполна.

Сын с мужем пришли с рынка как обычно после восьми вечера. Так же как обычно они были основательно вымотаны. Ведь это только со стороны кажется, что стоять за прилавком дело нетрудное. Но Галина Тарасовна хорошо помнила, как она сама уставала к концу рабочего дня на

этой «легкой» работе, куда сильнее, чем потом, в гостинице. Здесь в Москве она не раз с ностальгией вспоминала свою кабинетную маркшейдерскую работу. Она сидела в конторе и занималась оформлением документации. Зарплату получала небольшую, но то была именно женская нетяжелая работа, на которой она бы без лишней затраты нервов и здоровья досидела бы до пенсии...

Михаил Николаевич едва вошел сразу поинтересовался:

– Ну, что Галя, что-нибудь выяснила, позвонила в Киев?

Леонид прошел в свою комнату включил компьютер, вышел и интернет, чтобы успеть до того, как мать позовет его ужинать, проверить свою электронную почту. Увы, никаких писем ему не поступило.

– Леня, опять не успел прийти, сразу свою шарманку включил. Иди, хоть руки перед едой сполосни, – раздался недовольный голос Галины Тарасовны.

Леонид со вздохом «усыпил» компьютер и пошел в освобожденную отцом ванную. А Галина Тарасовна, накладывая в тарелки ужин, «отчитывалась»:

– Позвонила я Валере, обещал узнать, но предупредил, в Донбассе сейчас такой бардак, что трудно понять, кто и откуда стреляет. Садитесь, сегодня картошка с мясом.

Михаил Николаевич нахмурился, услышав что жена все-таки вняла совету сестры и позвонила Чмутову. Естественно, он очень болезненно воспринимал их любые контакты, даже сейчас, когда старая любовь, что называется, быльем

поросла.

– Да чего он узнать-то может, в Киеве сидя? – Михаил Николаевич отодвинулся, пропуская сына, ибо кухня была стандартной советской, то есть очень маленькой, тесной даже для двух человек, а тут собрались сразу трое. – Я на рынке с нашими мужиками поговорил. Они говорят, что этому бардаку скоро конец. Слава Богу, на Украине президента избрали, и он на Донбасс всю армию двинет. Вроде в Славинске и отморозков наших и Стрелкова с его бандой там же и кончат. Тогда и узнаем, что и с домом, и со Стефанией Петровной...

За более чем десятилетнее пребывание в России Михаил Николаевич Прокопов, хоть и стал ее гражданином и являлся русским по крови, но большая часть жизни, проведенная на Украине, даже советской давала себя знать. К тому же посмотрев, как живет русская провинция в постсоветское время, он превращения Донбасса в такую же русскую провинцию не хотел.

– Ой, когда это будет-то? А если мама в срочной помощи нуждается? У меня сердце болит, ведь там каждый день убивают да ранят и все больше случайных людей, – Галина Тарасовна говорила со «слезой» в голосе.

Михаил Николаевич как начал есть, так более уже ничего не собирался говорить, словно целиком сосредоточился на процессе поглощения пищи. Зато вдруг заговорил до того по приходу не сказавший ни одного слова Леонид:

– Не только это говорили мужики. Они еще говорили, что в украинской армии совсем никакого порядка нет, там все уже давно разворовано, и воевать никто не умеет, – сын сразу дал понять, что не разделяет точку зрения отца, на положение дел на их малой родине. – А добровольцы из России, что со Стрелковым пришли все воевали, кто в Чечне, кто в Приднестровье, кто в Южной Осетии. А с украинской стороны никто пороха не нюхал...

Чувствовалось, что Леонид, не служивший в армии, с явным пиететом относится к тем, кто владел этим самым «боевым опытом».

– Да провались они там все и те и эти! Что ж нам теперь из-за них и в свой дом не поехать, про мать родную узнать нельзя? Господи, только бы с мамой ничего не случилось, и дом наш уцелел, и скорей бы все это кончилось, – Галина Тарасова подала на стол чай.

– Нет, мам, скоро это заваруха не кончится, – Леонид взял, поданную матерью чашку.

– Если в армии порядка нет... тогда да, тогда всю донецкую борзоту и бандитов не унять, тем более, что отсюда им подмога идет, – быстро словно флюгер при дуновении ветра переменял свое мнение Михаил Николаевич – таким он был по жизни. Но тут же он нашел и причину бардака в украинской армии. – Это такие как твой Валерка армию до ручки довели, раз не могут справиться с пьяными архаровцами, что из забоев вылезли, – Михаил Николаевич, как бывший марк-

шейдер, всегда свысока относился к простым шахтерам, рубившим уголь в забоях.

– Надо бы туда съездить, разузнать что с бабулей, – вдруг предложил Леонид, допив чай.

– Ты, что... неужели сам ехать собрался!?! – будто не поверила услышанному Галина Тарасовна.

– Ну, а что? Делать-то что-то надо, – Леониду вдруг показалось, что для него это некий выход, что таким образом можно, хоть ненадолго, а может и надолго сменить опостылевшую обстановку, вырваться из Москвы, бросить эту опротивевшую мясную торговлю. К тому же он тоже переживал за бабуку, ведь он был ее младшим, любимым внуком.

– И не думай. Я тут за бабушку переживаю места не нахожу, а если еще и за тебя – вообще с ума сойду, – сразу обозначила свою позицию Галина Тарасовна.

– Ты что Ленька, совсем сбрендил. Мы тебя тут от армии отмазали не для того, чтобы ты сам в пекло полез. Там же сейчас не пойми что творится. Пропадешь ни за грош, – подержал мать отец.

Но Леонид не испугался мрачных прогнозов. Ему казалось, что любые изменения его никчемного и скучного бытия пойдут на благо. За все годы, что жил здесь, он так и не почувствовал себя местным. Когда на летние каникулы Леонид приезжал на родину, к бабушке, там его считали москвичем, многие бывшие приятели явно завидовали. Тем не менее, только там, на малой родине, под Донецком он чув-

ствовал себя в родной обстановке, а дом бабушки считал своим родным домом. А в Москве? ... Как родители не жили, а выживали, так и он выживал. Он тоже не меньше матери морально устал от всей этой второсортной жизни, как эквилибрист не чувствуя под собой твердой основы. Довлело и то, что он в свои двадцать три года не имел ничего своего личного, ни угла, ни денег, даже своей девушки у него не было. Единственное удовольствие – включить компьютер, одеть наушники и уйти от опостылевшей реальности в мир интернета. Вот и сейчас, получив отповедь от родителей на свое предложение, Леонид вновь спрятался в свою «скорлупу», в интернет. То был его мир, в который родители не могли заглянуть, хоть нередко сидели рядом и смотрели телевизор. Они в это время существовали в разных измерениях: родители – поколение телезрителей, сын – поколение интернета.

Родители слушали новости по радио и смотрели телерепортажи. Они не очень доверяли «москальским» СМИ и все воспринимали через свою, нет не украинскую, донецкую «призму». Ведь Донбасс по большому счету не являлся ни Россией, ни Украиной, это что-то между, но ни в коем случае не то и не то. А вот Леонид, блуждая по просторам «сети», имел возможность узнавать мнение о конфликте как с одной, так и с другой стороны. Анализируя, он составлял собственную картину происходящего на его малой родине.

Ну, и конечно, что еще в обязательном порядке посещал

Леонид в интернете, это сайты знакомств. Родители в этих делах ничего не понимали, и он не боялся, что они могут что-то подсмотреть. В своем мире он был совершенно независим. Здесь он знакомился, переписывался... До настоящих не виртуальных, а реальных знакомств Леонид все же не доводил. Понимал, что в реальной жизни девушки из интернета окажутся совсем не такими, какими они представлялись, наверняка и фото выкладывали не свои и все прочее. В то же время и он тоже «водил за нос» виртуальных знакомых, представляясь крутым программистом из Москвы, работающим айтишником в крупной фирме. Мать же не раз намекала на вполне реальное решение всех его и частично их проблем: женись на москвичке, и ох как нам всем легче жить станет. Легко сказать женись. Чтобы жениться надо не только познакомиться, но и ухаживать, водить по ночным клубам и ресторанам, или хотя бы по кафе, на всякие там тусовки и прочее. Это же Москва и начало 21 века, а не Донбасс семидесятых. Ничего этого Леонид не мог. Вот он и уходил от реальности в мир интернета. Конечно, то была совсем не равноценная замена.

Интернетные мнения о событиях в Донбассе Леонид сравнивал и с «рыночными», то есть взглядами торговцев, с которыми ему приходилось общаться. Среди русских торговцев превалировало приподнятое настроение. Дескать, какой наш президент молодец, ловко сделал Хохляндии «обрезание», вернул России Крым. И то, что в Донбассе Россия помога-

ет ополченцам – так и надо. Так что Михаил Николаевич, официально прибывший из Курска, в той среде свое мнение предпочитал не афишировать. Иначе торговцы в мясном ряду, все эти тамбовские, липецкие, орловские его бы не поняли. Торговцы-кавказцы в основном ни как не обозначали свою позицию. Им было все равно кто и за что воюет в Донбассе, но Леонид чувствовал, в глубине души они довольны, что русские и украинцы бьют друг друга и хотят, чтобы они поубивали как можно больше. Наиболее близким к мнению отца стали взгляды торговцев родом с Украины. Меж собой они считали Россию и Путина агрессорами. Так же они все хотели, чтобы Украина жила как живут в Европе: чисто, богато, свободно, без москальского жесткого централизованного руководства, и все что с ним связано: сильное государства, но большинство населения традиционно живет бедно. Для большинства украинцев всегда главным являлось личное благополучие, а не сильная страна, армия, престиж в международной политике, космос и т.д. Так было и в советское время, тем более так обстояло дело и сейчас.

На чьей стороне был Леонид? Он и сам однозначно ответить не мог. До сих пор по жизни за него в основном все решали родители. Когда возникла угроза призыва сына в армию, отец сразу заявил:

– Не для того мы с Донбасса уехали, чтобы вместо украинской армии ты служил в российской, в какой-нибудь дыре. А в России, куда ни глянь почти везде дыры, в которых либо

в бытовом плане жить нельзя, либо от черных проходу нет. Да и в самой армии здесь сейчас, говорят, черные над всеми издеваются...

Леонид и сам не горел желанием служить и не противился, что родители для него «сделали» липовую болезнь. Но все же до такой степени не чувствовать себя россиянином как родители он уже не мог. Сказывалось, что вторую половину своей жизни он провел не в Донбассе, а в Курске и Москве. Тем не менее, и родился и пошел в школу он еще там, под Донецком, более того, почти каждый год лето проводил там же, у бабушки. Он отлично знал тамошние настроения. Знал, что в Донбассе большинство населения, в отличие от Крыма, в Россию не рвалось. Возможно, если бы восстановили Союз, дончане это бы приветствовали. С детства он помнил, как причитали по развалившейся державе отец и мать. Его отец был русским, мать украинкой, как и тетка, но на самом деле они не являлись ни тем, ни тем, они были советскими людьми и в той советской жизни им жилось относительно неплохо, хотя это они в полной мере осознали только после гибели Союза. Они бы с удовольствием вернулись в то время, но увы...

Для Леонида стало неожиданностью, что после двух лет обучения в курской школе, где требования мало отличались от его первой поселковой школы, в московской оные окажутся настолько высокими, что он поначалу просто «не потянул» – у него возникли серьезные проблемы с успеваемо-

стью. К тому же за то десятилетие, что прошли с развала Союза до переезда Прокоповых в Москву... Москва за этот период прошла несколько иной «путь», чем Донбасс и русская провинция. Во всяком случае, советского в московской жизни осталось куда меньше, чем в том же Донбассе. Тяжело адаптировался в мегаполисе Леонид. Но чем больше он «вращался» тем дальше в своих мировоззрении он уходил от «донецких» взглядов родителей. Мать и отец, даже относительно приноровившись к своей новой «рыночной» жизни, в душе оставались советскими, хоть и с особой донецкой спецификой. Нет, не совками в общепринятом смысле этого термина. Они по натуре многое взяли от бабки Леонида, Стефании Петровны и являлись советскими куркулями, хозяйственными, гребущими под себя, про себя презирающие, так называемый, пролетариат, то есть рабочий класс и колхозное крестьянство... Презирали наравне, с так называемым начальством, куда по их мнению (с легкой руки Стефании Петровны) пролезали в основном голодранцы с целью занять должность и воровать. На том же основании и с той же подачи и отец и мать недолюбливали москалей, то есть русских из России.

Леонид не получил от бабки столь мощного и долговременного «воспитательного импульса» как родители. Леонид хоть и не стал настоящим москвичем, но уже не являлся и дончанином, как никогда не был украинцем. Почему эдакое раздвоение сознание не приводило к некому морально-

му срыву? Леонид был еще молод, здоров и ему более всего хотелось жить полноценной жизнью, жить так, как он хотел. Увы, так жить он мог лишь виртуально, забравшись в дебри интернета, заходя на сайты знакомств, на порносайты, лицезреть красавиц, которыми он хотел обладать, но опять же осуществлял свою мечту лишь виртуально... И сейчас он бродил в «сети», слыша через наушники как родители разговаривают меж собой на повышенных тонах о нем... и не только.

– На цепь что ли его посадить... ведь убежит, – слышался из кухни голос матери.

– Да куда он не денется, – успокаивал отец.

– Вон у Оксаны, ни сын, ни дочь, наверняка и не думают ехать бабку искать. А этот... совсем тронулся, – продолжала возмущаться мать.

– Да куда им искать. У дочери не поймешь что с семьей, а сын, Богдан... он же больной совсем, – отвечал отец.

– Да какой больной. Если он где-то здесь под Москвой работает, значит не больной, и лет ему куда больше, чем нашему. Взрослый мужик, мог бы съездить про бабку разузнать...

Леонид понял, что родители говорят о его двоюродном брате Богдане и, не желая больше слушать эти препирательства, вбил в адресную строку «позывные» очередного сайта и поплотнее надвинул наушники...

Оксана Тарасовна не разделяла беспокойства сестры. У нее никогда особо сердце не болело по матери. Впрочем, не в той степени переживала она и насчет дома, в котором выросла. У нее, в отличие от младшей сестры, имелась квартира в Виннице. И вообще, она смолоду жила по принципу: перво-наперво надо беспокоиться о самых близких, а об остальных по мере возможности. А мать для нее уже давно не являлась самым близким человеком. Тем более Оксане Тарасовне и без того было о ком переживать, ведь ни у неё самой, ни у ее детей жизнь в последнее время явно не складывалась. Какая это жизнь, когда она бывший директор школы, в свои шестьдесят лет вынуждена жить в качестве прислуги. Переговорив с сестрой, Оксана Тарасовна решила позвонить сыну, который трудился в бригаде строителей-шабашников в Подмосковье...

– Эй, западэнция, подай молоток!... Вон там саморезы возьми, неси сюда!... Шуруповерт подай!... Западэнция, шевели мослами, что ты ходишь как в штаны наложил!?!... Ножовку принеси, да швыдче ходи!...

Все эти восклицания-подгонялки относились к болезненного вида, среднего роста и средних лет подсобному рабо-

чему Богдану Панасюку. В бригаду украинских гастарбайтеров, шабашивиших по Подмоскovie, он попал три месяца назад, хотя навыков к строительному делу почти не имел. Потому ничего более важного, чем выполнения команд по-дай-принеси, ему не доверяли. А работа, которую сейчас выполняла бригада, была непростой – замена огромных старых деревянных окон в зале ожидания одной из подмосковных железнодорожных станций на новые, пластиковые, со стеклопакетами. Как правило, гастарбайтеры с Украины были гораздо более квалифицированными, нежели узбеки и таджики. Потому и работу им поручали требующую определенных навыков «цивилизованного» строительства.

Как же в довольно квалифицированной бригаде оказался такой явно «балластный» экземпляр, как Богдан? Очень просто, «по звонку». Некий влиятельный тип, координирующий заказы для таких вот украинских бригад, буквально заставил бригадира взять этого великовозрастного неумеху подсобником. За это, правда, бригада в качестве отступного тут же получила вот этот выгодный заказ на замену окон сразу на нескольких железнодорожных станциях. Тем не менее, отношение к новенькому в бригаде от этого доброжелательным не стало. Его постоянно пинали и давали понять, что он здесь явно лишний.

Богдан с трудом переносил свое положение. Это читалось по выражению его лица. Не менее болезненно переносил он и прозвище, которое дали ему в бригаде. При этом он, в от-

личие от прочих членов бригады, грамотно и без гыкания говорил по-русски. Его так прозвали после того как узнали, что он из Винницы. А вся остальная бригада состояла из уроженцев Донецкой и Луганской областей. Такие по украинским понятиям считались почти москалями и их недолюбливали остальные украинцы, те же в свою очередь не жаловали и «западенцию» и «гэтьманщину». Не стал Богдан щеголять своей эрудицией, объяснять, что «западэнция» это выходцы со Львовской, Волынской, Ужгородской, Ивано-Франковской и прочих западноукраинских областей, но никак не Винницкой. Он лишь заявил, что его мать тоже изпод Донецка, и там у него живет бабушка. Но это не произвело никакого эффекта, похоже, ему не поверили.

Тяжело сносить такое отношение, когда тебе уже тридцать семь лет и ты по возрасту старше большинства членов бригады. Но куда денешься, если даже эту работу мать для него еле нашла через своих знакомых. Когда через пару недель такой работы Богдан позвонил матери и взмолился... Мать заверила, что долго ему так работать не придется, скоро она ему подберет что-нибудь более подходящее в самой Москве. Да, так уж сложилось, что как в детстве, так и сейчас все за него решала мать. С другой стороны он отлично понимал, что иметь такую мать – это великое счастье. Даже сейчас она не сидит сложа руки на нищенской учительской пенсии, а зарабатывает деньги, помогает детям. Вон сколько народа с Украины ищут работу по всей России, и далеко не каждый

находит подходящую. А она в своем возрасте нашла таковую в самой Москве, и зарабатывает по тридцать пять тысяч рублей в месяц. Этому заработку и тому, что мать, живя у хозяев, не оплачивает съемную квартиру, жутко завидовала тетя Галя, младшая сестра матери – это Богдан знал точно. Хотя тетка со своим семейством вроде бы тоже в Москве пристроились, даже гражданством российским обзавелись, что позволило ей получать российскую пенсию, плюс муж с сыном торгуют мясом на рынке... Но все равно завидует тетка, привыкла завидовать, все время старшая сестра материально жила лучше младшей и сейчас опять лучше живет, хоть намного меньше в Москве прожила. Как говорится, кому, что на роду написано.

Семья младшей сестры Богдана тоже держалась на плаву в основном благодаря финансовой поддержке матери. Да и сам Богдан, долгое время лечившийся и бывший неработоспособным жил за ее счет. Богдан был безмерно благодарен матери и в то же время жалел ее. Он понимал, чего ей стоили эти тридцать пять тысяч, эта московская работа, какие моральные муки она испытывала. При этой мысли сердце Богдана замирало, а глаза сужались в злобном прищуре: его мама, умная, деловая, властная, пробивная и... прислуга. Но что он мог изменить, ее сын, ее надежда. Он до сих пор не завел своей семьи, зато успел напрочь подорвать здоровье, не имеет и мало-мальски пригодной для добывания хлеба насущного профессии. И это, несмотря на то, что он в свое

время на «четыре» и «пять» окончил школу, поступил в институт и имел когда-то «вагон» здоровья.

Бригадир объявил перекур. Богдан устало сел на станционную лавку, и в его сознании, как в кино с ускоренной смелой кадров, прошла вся его жизнь...

Когда Богдан пошел в третий класс, Оксана Тарасовна стала директором той самой школы, в которой он учился. Тогда в 1986 году, в свои тридцать два года она считалась молодой перспективной директрисой с большим будущим. Богдан почти не помнил отца, с которым мать развелась, когда ему исполнилось три года. С родственниками со стороны отца мать отношений не поддерживала и Богдан фактически тоже с ними не контактил. Отчего умер его отец, через два года после развода, Богдан тоже толком не знал – мать наложила на эту тему строгое табу. Он лишь знал, что родитель сильно пил. Но так как всем для него являлась мать, то отсутствие отца в его жизни фактически никак не ощущалось – мать была и опорой и защитой.

Легко и приятно учиться в школе, где директор твоя родная мать. Но Богдан особо не злоупотреблял своим привилегированным положением. Оценки, за редким исключением зарабатывал честно и вообще мальчиком рос довольно скромным. Матери особенно нравилось, что он легко, без напряжения учится. Как-то она сказала:

– Господи как хорошо, что ты именно эту черту от отца

унаследовал – способность к учебе. С нашей стороны ни у кого таких способностей нет, нам всем учеба тяжело давалась. Тебе бы к этим способностям, да еще мои бы характер и целеустремленность – горы свернешь, всего добьешься.

Уже тогда в его жизни все наметила и распланировала мать. После школы Богдан должен был по примеру матери поступать в областной пединститут. Потом немного поработать в школе, под ее опекой, если она останется директором или уйдет на повышение (а все к тому шло). Если в школе дела пойдут – тоже расти до директора. А если нет, то уходить на комсомольскую работу в райком, или обком, далее на более высокий республиканский уровень – все выше и выше... Но крах Союза загубил в зародыше, этот, казалось, реальнейший план. Впрочем, все начало рушиться еще раньше. Когда он перешел в шестой класс, преподавать историю к ним пришел молодой учитель...

Пропагандировать националистические идеи в те перестроечные времена стало и модно и почетно. Молодой историк наряду с официальной программой, начал сначала завуалировано, а потом и откровенно агитировать учеников за выход Украины из состава СССР и построение независимого суверенного государства. Он говорил то, что уже давно зрело в недрах украинского общества, прежде всего на западе республики. То, что СССР большая, мощная, но безалаберная и бестолковая держава, которая «делает ракеты и перекрывает Енисей», в то же время ее население в основном пребывает

в нищете и бедности. Если же Украина станет независимой, то ее трудолюбивый народ станет работать не на ракеты и перекрытие Енисея, а только на себя. Она не будет кормить огромную бесхозьяйственную Россию, отсталую и многодетную Среднюю Азию, криминально-коррупцированный Кавказ... И тогда Украина заживет так же счастливо и богато, как живут страны Западной Европы, без уравнигельной коммунистической идеологии, давящей всякую частную инициативу, с открытыми границами и неограниченной торговлей со всем миром. И тогда не надо будет втихаря из-под прилавка, или с рук втридорога покупать импортные магнитофоны, джинсы и прочее шматье. Все будет в свободной продаже и в любом количестве...

Союз рухнул, когда Богдан уже учился в девятом классе. Украина стала независимой, а Богдан убежденным национал-патриотом. И лишь твердая позиция матери, что надо обязательно окончить школу, потом поступить в институт, удержали его тогда от вступления в какую-нибудь молодежную националистическую организацию. Но это все равно случилось, когда Богдан уже являлся студентом-первокурсником. Метаморфозы, произошедшие во всей шкале жизненных ценностей, очень сильно надломили тогда Оксану Тарасовну. И она в какое-то время упустила сына из под своего влияния. Богдан же с головой окунулся в водоворот тогдашней политической жизни. Эйфория, вызванная неожиданным и бескровным обретением независимости, рождала

самые оптимистические прогнозы: пройдет пять-шесть, самое большее десять лет и Украина будет жить не хуже Франции, ну самое малое, как Испания. Ведь для этого имеется главное условие – Украина, наконец, избавилась от трех с половиной векового гнета москалей. Именно из-за этого гнета, трудолюбивый, живущий на тучных черноземах и в благодатном климате народ никак не может по-настоящему разбогатеть и жить в достатке.

Теперь кумиром Богдана стал опять-таки молодой институтский преподаватель Семен Порубайло. Как же слушали его студенты! Как замечательно он говорил о превосходных качествах и возможностях украинского народа. Он рассказывал о борцах за свободу Украины: Сагайдачном, Выговском, Мазепе, Грушевском, Петлюре, Бендере... Эти деятели, чьи имена были поругаемы в советское время, сейчас представляли в ореоле героев и мучеников. Порубайло, обладая широким кругозором и нестандартным мышлением, буквально заражал студентов своими идеями. Особенно он любил сравнивать качества украинцев и русских, доказывая неоспоримые преимущества первых над вторыми. Например, он обращался к аудитории:

– Кто такой Мичурин, вы, наверное, знаете?

Большинство студентов, вчерашние советские школьники, конечно немало слышали об этом русском ученом-садовод. Но Порубайло безапелляционно заявлял:

– Он вообще не ученый, а средней руки селекционер. А

кто такой Симиренко?

Лишь единицы из сидящих в аудитории могли ответить на этот вопрос.

– Вот так, вы украинцы не знаете выдающегося украинского ученого, зато знаете посредственного москаля, который за долгие годы жизни фактически не вывел ни одного хорошего сорта, ни яблони, ни груши. А яблоко сорта ренет Симиренко, творение нашего соотечественника, прославлен на весь мир. Вот наглядный пример, как советская система образования, школа, оболванивала украинских детей, выдавая черное за белое, и наоборот.

В том же ключе Порубайло приводил множество примеров, подводя студентов к мысли, что своих вершин русская наука и культура достигла благодаря этническим украинцам, или выходцам с Украины. И студенты с восторгом, безоговорочно верили, что без Украины Московия осталась бы дикой, чисто азиатской страной. В подтверждение приводились имена выдающихся людей, которые вынужденно тратили свой талант не на благо исконной родины, а на развитие русской культуры, науки, языка. Особенно он любил смаковать решающую роль украинцев в деле разработки космических ракет:

– Кто стоял у истоков ракетной техники? Николай Кибальчич, уроженец Черниговской области, он еще в 19 веке выдвинул идею реактивного летательного аппарата. А имя Юрия Кондратюка у нас вообще никому неизвестно, насто-

ящего гения, который еще в 1919 году впервые вывел основное уравнение движения ракеты, разработал схему и описание четырехступенчатой ракеты на водородно-кислородном топливе. Многие его идеи использовались американцами при реализации своих космических программ. И они в отличие от москалей это не скрывали и даже поставили ему памятник на мысе Канаверелл, вблизи космодрома. Ну, и самое большое воровство москалей у украинского народа это Сергей Королев, которого те объявили русским гением. Королев он только по фамилии русский, во всем остальном он украинец, ибо рожден украинской матерью и воспитывался у дедушки с бабушкой по фамилии Москаленко в Винницкой области... И вообще вся советская космическая отрасль держалась в основном на ученых украинцах, таких как конструктор жидкостных двигателей Глушко...

Порубайло не ограничивался учеными ракетчиками, он пропагандировал глобально:

– Писатели Гоголь, Короленко, Зощенко, Аверченко, великий ученый Вернадский, а художник Иван Марчук, которого коммуняки здесь гнобили, эмигрировал и стал одним из величайших современных художников в мире. Все эти москали типа Глазунова, Шилова и прочие они рядом с ним бездарные мазилки... Даже те русские по крови, ставшие великими родились в основном на Украине, или имели украинские корни: Пирогов, Чайковский, Сикорский, Булгаков... Сами москали на территории собственно России даже соб-

ственных руководителей не могли родить и воспитать. Ни один царь не был русским по крови, и Рюриковичи, и Романовы имели скандинавское и немецкое происхождение. И после падения царизма СССР не возглавлял ни один русский, рожденный в России. Ленин – чуваш с евреем, Сталин – грузин, Хрущев – родом с Украины, Брежнев тоже, Андропов – еврей, даже Горбачев по матери украинец. И все те гении из 19 века, которыми русские так гордятся, как правило, нерусского происхождения. Нетрудно сделать вывод, что нет более бездарного и безинициативного народа, чем москаль, то есть русские, рожденные и выросшие в России, – резюмировал свои выводы Порубайло.

Ему безоговорочно верили даже те студенты, которые не были украинцами, даже русские. Ведь и они родились здесь, на Украине, а значит не имели отношения к тем тупым своим соплеменникам, что родились не на щедрой украинской земле, плодородной не только для хлеба, но и для рождения гениев. Те же родились в скудной Московии, на земле не способной рожать ни хорошего хлеба, ни талантливых, инициативных людей. Богдан слушал те лекции «с открытым ртом» и проникался убеждениями любимого преподавателя. А тот недвусмысленно подталкивал к следующей весьма провокационной мысли: русские, москаль, не обладая талантами, преуспели в одном – угнетении других народов и использовании в своих интересах способностей и труда других народов, их природных ресурсов. Из этого уже вытека-

ло, что Россия, москали, просто не могут быть не агрессивными по отношению к Украине, своему главному мозговому донору...

Не долго Порубайло читал свои лекции. То ли он сам ушел, то ли его «ушли». Но «семена» посеянные им в молодые головы вскоре дали всходы. Богдан вместе с рядом своих сокурсников вступил в молодежное крыло организации УНА-УНСО, где его кумир занял один из руководящих постов. И когда в 1995 году Порубайло предложил ему вступить в отряд формируемый УНА-УНСО для отправки в Чечню, чтобы воевать на стороне чечен против российских федеральных войск, долго уговаривать Богдана не пришлось. Ведь Порубайло убеждал не только словами, но и личным примером, став некто вроде замполита в том отряде. Тогда юный романтичный Богдан искренне уверовал, что гордый и свободолюбивый чеченский народ поднялся с оружием в руках, чтобы сбросить колониальный гнет фактически уже издыхающей России.

– Наше участие в этой войне, которая неминуемо приведет к полному развалу России, не что иное, как схватка с заклятым врагом вдали от наших границ. Только при условии гибели России Украина сможет спокойно жить и развиваться, – пояснял ситуацию Порубайло.

Богдан взял в институте академический отпуск и, ничего не сказав матери, отправился на подготовительные сборы в лагерь военной подготовки УНА-УНСО. Полтора ме-

сяца их учили стрелять, бросать гранаты, приемам самообороны и выживания. Уже на тех сборах романтический ореол, окружавший тогда УНА-УНСО, в глазах Богдана сильно померк. Учили наспех, кормили плохо, инструктора были грубы, иногда просто оскорбляли. На практических занятиях частенько игнорировались правила техники безопасности. Однажды на глазах Богдана подорвался один из «курсантов», учившийся метать боевые гранаты...

Богдан очнулся от недолгого полузабытья. Мысли-воспоминания прервались как раз на одном из поворотных моментов его жизни. Если бы тогда он сбежал из того лагеря, как делали многие, его бы жизнь, наверняка, сложилась совсем иначе. Он бы не пережил того ужаса, который ему пришлось пережить, и главное – он бы сохранил здоровье. Но, увы, слишком он верил Порубайло, который стал для него высшим авторитетом во всем. И как было не поверить, ведь Порубайло не играл на публику, как большинство политических деятелей во все времена. Он искренне верил в свои убеждения, с ними жил, с ними и погиб...

Перерыв кончился. Бригада возобновила работу. Во время перекура прочие члены бригады обсуждали последние новости из Донбасса. Богдан в этом никогда не принимал участия, но по мере возможности слушал. Он не мог точно определить на чьей стороне эти донецкие и луганские работы. Ему показалось – ни на чьей. Они одинаково негативно

относились и к любой киевской власти, и к нынешним лидерам ополченцев, ни тех, ни тех не считая достойными политическими фигурами. Ни один из них даже не дернулся ехать за кого-то воевать. Их беспокоила только судьба близких, а также родных городов и поселков. Разве что бригадир, мужик уже в возрасте переживал больше всех. Он по нескольку дней на день звонил к себе в Луганск и буквально умолял жену сберечь детей, дочь школьницу и сына-подростка, вплоть до того что не выпускать их за порог дома. А когда разговаривал с сыном, обещал ему по приезду вырвать ноги, если он вздумает записаться в ополчение и пойдет воевать. Богдан уже был далеко не тот юноша из девяносто пятого года и не столь односторонне оценивал конфликт в Донбассе. Понимал он и настроение этих работяг, не веривших ни тем, ни другим. Понимал он и то, что война, в общем, идет за то, что одна сторона хочет сохранить власть, а вторая ее захватить, и кто из них прав...

Богдан стоял внизу, а два других члена бригады, взобравшись на подоконник, устанавливали раму стекла в оконный проем. Он подавал им инструмент и крепежный материал. Тут в его кармане «заиграл» мобильник.

– Я отойду? – спросил Богдан у бригадира, стоящего рядом и осуществлявшего общее руководство установкой окна.

– Валяй, – пренебрежительным тоном разрешил бригадир, в очередной раз давая понять, что Богдан бригаде со-

всем не нужен, что он есть, что его нет.

Звонила мать:

– Богдаша, сынок, как ты там?

– Да так мам, терпимо. Ты просто так звонишь, или случилось чего? – Богдан, предчувствуя, что мать по обыкновению заведет долгий разговор, а он не хотел надолго отрываться от работы, и без того на него все косо смотрят.

– Да, случилось. Тут тетя Галя позвонила, бабушкин поселок вчера сильно обстреливали. Тетя Галя туда звонила – никто не отвечает, вот она за бабушку и беспокоится.

– Понятно. Видимо кому-то придется туда съездить и узнать, что и как...

Богдан и вся семья Панасюков в отличие от Прокоповых не считали бабушкин дом под Донецком своим родовым гнездом и особо за него не переживали, впрочем, то же можно сказать и про отношение к самой Стефании Петровне. Богдан не гостил у нее, наверное, уже лет десять и про бабушку думал примерно так же как и мать – она слишком зажилась на свете.

– Я не знаю Богдаша, поедет ли кто из них, но надеюсь, что ты этого не сделаешь? – в голосе Оксаны Тарасовны прозвучали педагогические повелительные нотки.

– Да ты что мам, с какой стати, – опасения матери удивили Богдана.

– Ну, и хорошо. Я тебе сынок еще вот почему звоню. Тут

мои хозяева на неделю уехали на дачу. Так что квартира совершенно свободна. Ты можешь отпроситься и приехать?

Сознание Богдана оптимистично отреагировала на это предложение. Появилась возможность, хотя бы недолго побыть вне этой еле выносимой жизни в бригаде, поесть замечательного домашнего борща, вместо опротивевших супов из пакетов, ощутить бодрящий гидромассаж джакузи, выспаться на просторной с упругим матрасом кровати. Последнего хотелось более всего – бригада жила в тесной бытовке и спала на дощатых нарах. Поговаривали, что вот так спать на досках полезно для позвоночника. Бригадир увидев, что новый рабочий тяжело переносит такое «лечебное» лежание с усмешкой поведал об этой «пользе». Богдан, обычно молча реагировавший на такие шутки, ответил неожиданно резко:

– Про спорт тоже говорят, что он полезен для здоровья. А Жванецкий как-то сказал, что если бы это обстояло так, в каждой еврейской семье было бы по два турника...

Его отпустили безо всяких препонов. На неделю, так на неделю. Езжай, только знай, что за эти дни деньги ты не получишь. Богдана не пугала такая перспектива. Какая разница, сколько ему заплатят за этот месяц, десять тысяч, или восемь – и то, и то не деньги. А несколько дней жизни в человеческих условиях станут для него неожиданной отдушиной.

В электричке, под перестук колес Богдан вновь провалился в полусон-воспоминания...

В Чечню их перебросили осенью 1995 года, через Грузию. О специфики кавказских межнациональных отношений первое впечатление сложилось именно в Грузии. Грузины, с которыми им приходилось общаться, узнав, что украинцы едут воевать в Чечню против русских, едва ли не все вертели пальцами у виска и говорили:

– Мы тоже ненавидим Россию, но среди нас дураков воевать за чечен ни одного не найти.

В Чечне местные тоже отнеслись к украинским добровольцам по меньшей мере странно. Кто-то, едва не в открытую, называл их русскими шпионами, но большинство смотрели с усмешками и равнодушным презрением. Меж собой они говорили:

– Во дебилы, воевать приехали, даже не за деньги, а просто так – совсем глупый народ эти хохлы.

Ни благодарности, ни понимания Богдан не увидел в глазах чеченцев, ни среди повстанцев, ни среди обывателей. Некоторые в открытую интересовались, есть ли в отряде дети или родственники влиятельных и богатых людей. Зачем, вскоре выяснилось. Чтобы таковых выкрасть и требовать

большой выкуп. Богдан на данный вопрос ответил, что рос без отца, а мать простая учительница. К тому времени это было чистой правдой, ибо Оксане Тарасовне новое руководство не простила ее чрезмерной активности в советское время, ее членства в КПСС. Ее сняли с директоров, и она действительно работала простым учителем. После этого Богдан в качестве «кавказского пленника» перестал интересовать торговцев людьми.

Примерно также как к украинцам чеченцы относились и к прочим добровольцам, прибывшим воевать за их независимость, даже к братьям по вере мусульманам: татарам, башкирам, среднеазиатам. К арабам тоже не испытывали добрых чувств, но в отличие от прочих им внешне оказывалось всяческое уважение, ибо из арабских стран шла основная финансовая помощь. Подставляли, посылали на самые опасные участки и задания, а при случае и просто продавать всех этих «интернационалистов» у чечен за предательство не считалось. Ведь за них никто мстить не будет, за них никто не спросит, как за своих. Если за деньги отравили даже Хаттаба, то мелкую сошку продавали сплошь и рядом, оптом и в розницу, лишь бы федералы деньги платили. Богдан, осознав всю «теплоту» союзнических отношений к ним, обратился за разъяснениями к Порубайло. Тот, вздохнув, поведал:

– Я и сам возмущен, но надо смотреть правде в глаза – чечены дикий, варварский народ, далекий от благородства и рыцарских традиций. Но они воюют с москалями, по-насто-

ящему воюют, потому мы должны помогать им. Мы должны все это терпеть ради краха злейшего врага Украины.

Воевать слишком долго не пришлось, но полгода, что Богдан провел на той войне, стоили ему многих лет жизни. Холод, непривычная пища, русские вертолеты и штурмовики, казалось, постоянно висевшие в воздухе, осуществлявшие как огневое, так и моральное давление – этим в основном и запомнилась та война. Все это время отряд, в основном, скитался по горам, избегая боестолкновений с крупными силами федералов и нападая на мелкие подразделения. Тогда Богдана удивило не только отношение чечен к союзникам, но и потрясла их чудовищная жестокость по отношению к пленным. Солдат-срочников сразу делали бесправными рабами, за офицеров и прапорщиков обычно требовали выкуп, контрактников публично зверски убивали. Даже Порубайло при всей его ненависти к русским это не одобрял:

– Ну, расстреляйте вы их, и дело с концом. Нет, им надо чтобы обязательно корчились, умирали в мучениях. Они от этого удовольствие получают. Одно слово – дикари.

В начале 1996 года отряд, промокший, замерзший голодный... как обычно уходил по горным перелескам от преследовавших его федералов. В одном из ущелий, под угрозой окружения вместе с украинцами оказалось довольно крупное формирование известного чеченского полевого командира. Командир полка федералов, осуществлявшего преследование, люто ненавидел «бандер». Он отдал негласный при-

каз, в плен их не брать. Чеченцы решили на этом сыграть, чтобы ценой жизни союзников спасти свои. Через третьи лица полевой командир договорился с командиром федералов. За то, что он указывал точное место, где прячутся украинцы, сам он должен получить возможность беспрепятственно увести своих людей из сжимавшихся «клещей». Командир полка пошел на эту сделку, ибо его ненависть к «бандерам» оказалась сильнее ненависти к чеченцам.

Почти сутки полностью заблокированный украинский отряд обстреливали с господствующих высот минометы, гаубицы и снайпера. Они вызывали по радиации чеченцев, молили о помощи. Те заверяли, что спешат на выручку, а сами, тем временем, скорым маршем удалялись от места боя. Потеряв убитыми и ранеными более половины личного состава, израсходовав боеприпасы, отряд был вынужден сдаться. Богдана тяжело контузило разорвавшейся неподалеку миной. Находясь в сознании, он, тем не менее, плохо соображал и почти не мог двигаться. Порубайло спрятал его в выемке меж камней и кустов, наказав, если сможет выбраться, поведать на Украине о судьбе отряда, о том, как их «продали». Также спрятали многих раненых из боязни, что им не захотят оказывать помощь и добьют. Федералы прочесали окрестности. Нашли всех... кроме Богдана. И он, с трудом преодолевая тошноту и головокружение, смотрел, как сначала действительно добились всех раненых, а затем приступили к расстрелу сдавшихся. Порубайло перед смертью воскликнул:

– Хай живе незалежна Україна!

В ответ раздался издевательский смех. Полковник, не отказавший себе в удовольствии лично руководить казнью, взял у одного из солдат автомат, подошел к Порубайло, выпустил весь рожок ему в голову и тут же прокомментировал.

– Такие мозги не должны быть похоронены, они должны быть разнесены в дребезги.

Так и случилось, голову учителя и кумира Богдана буквально разорвало... Богдан пролежал в своем убежище до темноты. Он сильно замерз, зато обрел способность двигаться. Федералы ушли, бросив его товарищей там, где расстреливали, оставив их тела на растерзание зверям и стервятникам. Чтобы их похоронить Богдан не имел ни времени, ни сил. Только тело Порубайло с обезображенной головой он прикопал в воронке от гаубичного снаряда, после чего побрел на юг, к грузинской границе. У него почти не имелось шансов выбраться. Он мог наскочить на федералов и чечены уже не были для него союзниками. Они запросто могли объявить его шпионом, обратить в рабство, посадить в зиндан, или просто продать за деньги федералам. Как ему удалось контуженному, простуженному без чьей-либо помощи пройти эти горы и вырваться из ада!? Видно, сам Господь Бог пришел на помощь.

С Оксаной Тарасовной, все это время не знавшей, где ее сын, едва не случился удар, когда она увидела похожего на мумию, едва живого Богдана. Он долго лечился, но до конца

оправиться так и не смог. Головная боль и дрожь в суставах стали его постоянными спутниками. Тем не менее, немного оклемавшись, Богдан попытался выполнить предсмертный наказ Порубайло – поведать правду о гибели украинских добровольцев. Но в УНА-УНСО его не захотели слушать. Ведь чеченцы к тому времени одержали победу в той первой войне и вокруг них образовался ореол благородного народа-героя. Богдану предложили не распространяться о некоторых обстоятельствах гибели отряда, а обнародовать для СМИ вымышленную, героическую версию. Де, горстка добровольцев УНА-УНСО погибла в неравном бою с несметными полчищами москалей, прикрывая маневр главных чеченских сил. При этом именно украинцы нанесли такой невосполнимый урон противнику, что и предопределило окончательную победу чеченцев в войне. В награду Богдану пообещали пост в организации и пиарславу патриота-героя. Богдан отказался играть в эти игры и вышел из «бандеровского комсомола».

Вся эта нервотрепка тяжело сказалась на и без того подорванном здоровье и Богдан вновь оказался на больничной койке. Проболев почти год, из больницы он вышел фактически инвалидом. Учиться не смог, и не только потому, что учебные нагрузки оказались не под силу. У него даже обыкновенный галдеж в институтских коридорах и аудиториях вызывал сильную головную боль, после чего невозможно было слушать лекции. Начались тяжкие годы борьбы за

выживание. Пока мать работала, она во всем ему помогала. Но в незалежной Украине Оксана Тарасовне также комфортно устроиться, как в советской, не удалось. Бросить работу, стать бизнесвумен? Она на это не решилась, да и весь ее предыдущий жизненный опыт был заточен на совсем другое. Так что пришлось дорабатывать учителем и по достижении пятидесяти пяти лет уходить на пенсию. А на пенсии Оксана Тарасовна уже не могла серьезно помогать ни сыну, ни дочери. Сын же не мог работать по состоянию здоровья, а дочь сошлась с неудачливым бизнесменом.

Именно из-за тяжелого материального положения детей Оксана Тарасовна вновь «впрягаться в оглобли». На Украине, ей бывшему учителю русского языка и литературы, найти работу по специальности было нереально. Потому она поехала в Россию и определила основной «вектор атаки» – Москва. Оксана Тарасовна не надеялась, что ей помогут сестра и ее муж, уже несколько лет там живущие, но все же поначалу недели две прожила у них. За это время она в очередной раз убедилась, что, и сестра, и ее муж по настоящему так и не стали деловыми людьми и привычно стала сама себя устраивать в незнакомом ей городе. И в конце-концов устроилась. На ее объявление в газету «Работа для вас», вещавшее, что опытный педагог готов предложить свои услуги... Нет, она не искала платных учеников, она искала тех кто в конце-концов на объявление откликнулись – «богаченьких Буратино», которые искали именно такую немоло-

дую, интеллигентную домработницу. Немало сделала Оксана Тарасовна, чтобы понравится в той семье и хозяину и хозяйке. Она прошла «испытательный срок» и стала получать не очень большие для Москвы, но вполне приличные для российской провинции и тем более для Украины деньги. Так Оксана Тарасовна вновь обрела возможность материально поддерживать и дочь, которая осталась жить в квартире матери со своим неудачным сожителем и маленьким ребенком и сыну, который, наконец, более или менее выздоровел.

Богдан выздоравливал крайне медленно. Казалось, он вообще никогда не вылечится. Только после 2005 года он постепенно пошел на поправку. Наконец в 2010 он вроде бы выздоровел окончательно и мог начать работать. Но что он умел? Дожив до тридцати трех лет он не смог, ни закончить институт, ни приобрести какую-нибудь востребованную специальность. Ко всему, хоть он и не считался инвалидом, но далеко не всякую работу вообще мог делать, потому, что до конца так и не восстановился. Тем не менее, он брался за все, что предлагали: был дворником, мыл машины, работал ночным сторожем. Получал он за все это сущие гроши, ибо зарплата в незалежной за подобный труд была крайне мала. Не мудрено, что в этой связи многие украинцы, как и его мать, искали более высокооплачиваемую работу за границей. До шести миллионов человек постоянно находились вне Украины на такого рода заработках.

Когда хозяйева, у которых работала Оксана Тарасовна, уез-

жали на продолжительный срок, например на отдых за границу, Богдан приезжал в Москву и месяц, а то и больше жил у матери, в роскошной московской квартире. Частенько он вспоминал несбывшиеся пророчества Порубайло. Увы, даже два десятка лет независимости не принесли Украине ни богатства, ни процветания, а Россия без нее не развалилась. Богатой она тоже не стала, но отдельные состоятельные люди здесь появились, и в отличие от Украины в России таковых насчитывалось немало, особенно в Москве. Хотя отдельные СМИ утверждали, что этнических русских среди этих состоятельных «новых русских» весьма небольшой процент. Но Оксана Тарасовна жила и работала именно в русской семье. Она бы ни за что не пошла в прислуги ни к евреям, ни к кавказцам. Она, как и ее мать недолюбливала «москалей», но «жидов» и «черных» не любила еще больше.

Таким образом, Богдан получил возможность посмотреть условия жизни «новых русских», в общем-то обычных, ничем не выдающихся людей, которым посчастливилось разбогатеть в постсоветский период. Он ходил по огромной «двухэтажной» квартире, заставленной дорогой мебелью, набитую всевозможной видео и аудиотехникой, бытовой техникой. Он слушал стереомузыку, смотрел огромный плазменный телевизор, нежился в ванной с джакузи. Когда же навещал семью тетки, снимавшую квартиру у обычных небогатых москвичей, сразу ощущал разницу и понимал – москвич москвичу рознь.

Именно мать убедила Богдана, что ему на родине делать нечего, а работу надо искать в России, в Москве:

– Здесь многие украинцы устроились очень неплохо. Россия потенциально страна очень богатая. Умные люди со всего бывшего СССР этим пользуются и нам грех не воспользоваться.

На возражения сына, что тетя Галя со своими мужем и сыном, уже сколько лет тут живут, а ни разбогатеть, ни нормально устроиться так и не смогли... На это Оксана Тарасовна отвечала:

– Я же говорю об умных людях.

Богдан понимал – мать абсолютно права насчет России. Так-то оно так, но как воспользоваться богатствами России именно ему? Этого даже его сверхпрактичная мать конкретно сказать не могла, только советовала:

– Ты Богдаша, здесь оставайся, а там жизнь сама покажет, как быть.

Легко сказать оставайся. В квартире, где жила и одновременно работала мать, Богдан оставаться никак не мог. И вообще, чем ему тут заниматься. Он же не еврей, чтобы успешно делать бизнес на чем угодно. Он не умеет, как азербайджанцы прибыльно торговать на продовольственных рынках. Не мог он и как северокавказцы добывать деньги в составе этнических криминальных сообществ. Не мог, как грузины красть барсетки из салонов автомобилей. Не мог петь и хохмить со сцены, чем с успехом пробавлялись в России

многие его земляки-украинцы. Даже пойти в дворники, как он делал в Виннице, он не мог. Московский рынок «дворничества» целиком и полностью заняли выходцы из Средней Азии и его бы туда не пустили. Подойти к мужу тетки и попросить, чтобы он взял его к себе в подручные торговать мясом? Это категорически не советовала мать – она ни чем не хотела одалживаться у сестры.

В конце-концов с работой тоже помогла мать. В Москве она уже успели обрести некий круг знакомств из выходцев с Украины, и даже встретила своего бывшего ученика, сумевшего стать чем-то вроде координатора базы заказов для строительных бригад с Украины. В одну из таких бригад Богдана и пристроили. Строительному делу в его возрасте и с его здоровьем обучаться оказалось непросто. Вроде бы несложная та же работа закручивать шурупы с помощью шуруповерта, но требовала определенной чувствительности в пальцах рук. А у Богдана как следствие контузии пальцы слушались плохо. Тем более не могли ему доверить более сложную работу. Все что он мог – это выполнять обязанности подсобного рабочего. Денег за такую работу ему причиталось немного, меньше всех в бригаде.

Оксана Тарасовна сына не видела больше месяца, с тех пор, как ее хозяйева, вот так же в полном составе отправились отдыхать в Таиланд. Сейчас они уехали на более короткий срок и гораздо ближе. Более того, кто-то из них мог возвра-

титься в любой день – чего тут добираться из ближнего Подмосковья. Оксана Тарасовна слишком дорожила своим местом и не хотела, чтобы хозяева застали в квартире ее сына. Ее и на работу брали с таким условием: никаких посторонних и родственников. Потому она и приглашала Богдана только при абсолютной уверенности – их никто не «застукает». Сейчас же был не совсем безопасный вариант, но обстоятельства складывались так, что возникла необходимость срочно не по телефону обсудить один назревший вопрос...

Богдан привез с собой кучу грязного белья, и мать тут же загрузила его в стиральную машину. Потом он смывал с себя «пуды грязи», лежал в джакузи, пока Оксана Тарасовна разогревала его любимое с детства блюдо – борщ с говядиной и со сметаной. И борщ и второе – гуляш, Богдан ел жадно, как всякий человек, продолжительное время не вкушавшей качественной домашней пищи, к которой привык с детства. Оксана Тарасовна терпеливо ждала, когда он утолит голод. Наконец, сын кусочком хлеба вытер тарелку, которая еще пару минут назад была наполнена гуляшом и взялся за большую чашку с кофе. Он уже не спешил, а с наслаждением смаковал душистый напиток, заедая его пирожным. Попутно он оглядывал кухню, где ему накрыли стол. Все осталось без изменений, также как и в дни его последнего пребывания здесь, но вот мать... Мать смотрелась как-то чрезмерно оптимистично, будто получила хорошее известие и очень тому рада. Такой он ее часто видел в детстве, когда она успешно

«шла» по жизни. Но уже много лет подобного настроения у нее не наблюдалось.

– Мам, ты как будто помолодела. Тебя замуж случайно никто не позвал? – не удержался от шутки Богдан.

– Да уж, мне только замуж и выходить, – чуть улыбнулась в ответ мать.

Оксане Тарасовне всегда нравились комплименты, касавшиеся ее внешности. Ведь смолоду она никогда не слыла красавицей, что особенно было заметно на фоне ее младшей сестры. Но сейчас, в свои шестьдесят, она действительно выглядела относительно неплохо, и очень надеялась, что наконец-то в этом компоненте не уступит младшей сестре. Да ей повезло, она сумела найти неплохое и достаточно хлебное место. Но, как говорится, везет тем, кто везет. Повезти может раз, два, редко кому везет всю жизнь. Потому Оксана Тарасовна все свои бывшие успехи по жизни считала не везением, а закономерностью, фундаментом которой являлись ее характер и целеустремленность. Да, у нее случилась черная полоса, когда ее поперли с директоров, и она до пенсии пребывала в ранге рядовой училки. Но та полоса прошла, она смогла перестроиться и вновь доказала, что умеет жить и никакие внешние катаклизмы не заставят ее безвольно сложить руки и опуститься на дно жизни. Не хватило ей баллов в Донецком институте, она не испугалась поехать в Винницу и учиться там. В институте познакомилась с сыном декана, влюбила его в себя, стала его невестой. Ну, а дальше дело

техники – тесть устроил ей распределение в Виннице. Когда выяснилось, что муж серьезно страдает распространенной «вредной привычкой», легко с ним рассталась – в качестве «балласта» он ей был не нужен. Казалось, труд педагога мурторен и тяжек. Да, если до пенсии оставаться рядовым учителем – все нервы истреплешь. Оксана Тарасовна не собиралась таковой оставаться надолго, она использовала свои общественно-организаторские качества и ее стали «двигать». А уж завуч, а затем директор – это совсем другой уровень, здесь уже легче и жить и работать. Недаром же рвутся делать карьеру. Как говорится, чем выше поднимаешься, тем легче живется. Именно потому, что Оксана Тарасовна не надорвалась смолоду и мало переживала о всяких посторонних вещах, в том числе и о родной матери, не говоря уж о сестре, она и выглядела как и положено выглядеть прожившей не тяжелую и достаточно сытую жизнь женщина: статная, полная, но не рыхлая, с ухоженными черными волосами, которые не портила легкая седина. Когда-то сильно завидуя внешности сестры, сейчас она уже не смотрелась старше ее, наоборот Галина Тарасовна, будучи на три года моложе, внешне выглядела, пожалуй, старше.

Оксана Тарасовна не долго «смаковала» комплимент сына. У нее к нему назрело весьма важное дело, и она начала разговор, едва Богдан взялся за десертную грушу:

– Богдаша, сынок, выслушай меня, только внимательно...

Несмотря на то, что мать и сын наследственно недолюбливали «москалей», в их семье разговорным языком всегда был русский. Причем, даже не «суржик», имевшая широкое хождение на Украине смесь украинского и русского языков, а правильный литературный русский язык. Почему Оксана Тарасовна при наличии привитой ей еще матерью антимоскальской позиции в то же время явно не жаловала «мову»? Во-первых, она являлась профессиональным преподавателем русского языка и литературы, во-вторых, в советское время она не сомневалась, что при ее жизни и жизни ее детей, таких глобальных перемен, что случились в 1992 году, никак не произойдет, и жить им всем придется в СССР. Потому внешне она, как и полагалось сначала комсомолке, а потом и члену КПСС, являлась поборницей «пролетарского интернационализма», веры в идеалы коммунизма. Она собиралась делать советскую парткарьеру и до поры в том весьма преуспевала. Для этого она еще в институте стала кандидатом в члены КПСС, что и предопределило ее ранний ка-

рьерный старт. Уже в Перестройку ей предлагали работу в одном из винницких райкомов, но Оксана Тарасовна метила выше и отказалась, ибо хотела сразу со школы «прыгнуть» в обком, откуда открывалась прямая дорога в Киев. А в перспективе она, конечно, мечтала о союзном уровне, о Москве. И казалось, мечты начали осуществляться... Кто же мог тогда предвидеть, что внешне несокрушимый Советский Союз в одночасье рухнет.

Так что Оксана Тарасовна вообще не собиралась жить в незалежной Украине и тем более говорить на мове. Она собиралась жить в СССР и стать там не последним человеком. А для этого надо было грамотно говорить по-русски и желательно без характерного украинского гыкания. Ведь Оксана Тарасовна собиралась выступать с самых «высоких» трибун съездов и пленумов. Потому в ее семье мову до самого 1992 года не приветствовали и говорили только по-русски. Не изменяли своим привычкам они и теперь, тем более «мову» и мать и сын знали «не дюже хорошо», чтобы свободно говорить на любые темы.

– Мам, давай чуть попозже. Вот отдохну немного, телек посмотрю, – Богдан не был расположен к серьезному разговору, подозревая, что мать собралась читать ему нотации воспитательного характера.

Ему же хотелось посмотреть репортаж из Донбасса, узнать новости с мест боев. Хоть российские телеканалы подавали

события со своей точки зрения, Богдан пытался выявить в той информации рациональное зерно и составить собственное видение ситуации.

– Да, мам, тетя Галя больше не звонила, что там с бабушкой? – словно спохватившись, спросил Богдан.

– Да, ездила я к ней. Ничего она не узнала, – с явным неудовольствием отреагировала Оксана Тарасовна, ибо настроилась говорить совсем о другом. – Послушай сынок, нам сейчас некогда о бабушке разговаривать. Что там случилось, то случилось, мы ничем ей не поможем. Нам сейчас о тебе поговорить надо.

– Ну что еще такое, что никак не может подождать? – недовольно пробухтел Богдан, явно предпочитая разговору просмотр новостей по 140 сантиметровой «плазме» хозяев квартиры.

– Еще раз тебя прошу, сынок, слушай меня внимательно и не отвлекайся, – сказала, как отрезала Оксана Тарасовна. – Если мы продолжим ждать от моря погоды, как сейчас... Ну, в общем, сам понимаешь, это путь в жизненный тупик. Сейчас никакого будущего не просматривается, ни у тебя, ни у Лены. Она со своим этим торговцем удобрений хреновым, как еле сводила концы с концами, так и будет. Тем более на Украине, похоже, вообще ничего хорошего ждать не стоит, вон, до войны допрыгались, Крым потеряли. Боюсь, там лучше уже не будет, только хуже. А время идет и придет такое, когда я уже не смогу помогать, ни тебе, ни сестре твоей. Си-

лы мои не беспредельны. К тому же сам знаешь, как тяжело мне морально. За тридцать с лишком лет работы в школе я не устала так, как за три года прислуживания здесь. Конечно, я всегда мечтала жить в Москве, но жить тут в том качестве, в котором я живу... такое мне даже в кошмарных снах не снилось, – Оксана Тарасовна в раздражении махнула рукой и принялась убирать со стола посуду.

Богдан пребывал в полном недоумении. Он не мог угадать, к чему клонит мать и сделал попытку угадать:

– Мам ты, что собираешься бросить эту работу и вернуться в Винницу? Или я что-то не понимаю.

– Именно, не понимаешь, совершенно. Я бы с удовольствием бросила это прислуживание, но по понятным причинам просто не могу этого сделать, тем более не хочу я возвращаться на Украину. Чего там делать, жить на нищенскую пенсию? Украина страна без будущего. Сейчас после этого дурацкого майдана – это очевидно. Больше двух десятков лет прошло после развала Союза, а она так по-настоящему и не стала государством, и по всему уже не станет, – Оксана Тарасовна принялась мыть посуду под струей воды.

– Да, ну мам, ты уж слишком сгущаешь краски. Майдан не такой уж дурацкий, благодаря ему Януковича скинули, и прецедент создан, если и эти не лучше будут и их скинут, и так до тех пор, пока нормальных людей в правительство не изберут, – не очень уверенно возразил Богдан.

– Ну, да так и будут скидывать, а в стране порядка не

будет, потому что на место одних дураков или воров другие приходят будут, а то, и первое, и второе вместе. Ведь эти двадцать лет Украиной фактически никто не руководил, некогда было, все спешили под себя грести. И сейчас все тоже самое, страна сама по себе куда-то катится, без руля и без ветрил, – глаза Оксаны Тарасовны метали молнии, когда она говорила об украинской власти, искренне веруя, что в то время когда власти жаждала она, карьеристы думали не столько о своей выгоде, сколько о пользе страны.

Богдан уже не впервые слышал подобные разглагольствования матери, поэтому не вступая, давал ей выговориться, в надежде, что этим все и ограничится.

– Мне тут как-то недавно сын хозяев... Ну, вот этот щенок мне эдак с издевкой данные из интернета привел, что наша незалежная в такой заднице пребывает. Оказывается, Украина по уровню жизни на сто пятом месте в мире находится. Я и поинтересовалась, а на каком месте Россия? И знаешь, оказалось, что Россия, которая тоже управляется весьма плохо, находится на пятьдесят четвертом. Чувствуешь, какая разница. Понятно, что у них и нефть, и газ, и леса полно, но главное не это. Если бы они так же управляли, как наши управляют и здесь бы все разворовали, ничего бы не было. Но они хоть плохо, но управляют, воруют, но не дотла, как у нас. Потому я и уверена – у Украины будущего нет, – повторила свой вывод Оксана Тарасовна.

– А у России оно есть? И нефть, и газ, и лес когда-нибудь

кончатся. А кроме как ресурсами за валюту торговать москали ничего не умеют, – критично усмехнулся Богдан.

– Ты не прав, у русских будущего нет, как не было никогда, а у России оно есть, как и было всегда.

– Не пойму как это... разве русские и Россия, не одно и то же? – удивленно вскинулся в кресле, в котором сидел, Богдан.

– А вот так. Я, вот всего четвертый год в Москве, но твердо могу сказать то, о чем уже давно догадывалась – москали создали эту огромную, богатейшую страну, в которой никогда не были и не будут настоящими хозяевами. Да и не только они, все кто тут испокон живут, коренные, они все нации без будущего, да, в общем, и без прошлого. Разве можно считать нормальным прошлым ту собачью жизнь, которой они жили на протяжении всей своей истории. Знаешь, в девяностые годы в среде москальской интеллигенции в ходу была такая мысль, де русские почти всегда плохо жили потому, что ими все время не русские руководили. Они тогда даже Хрущева, Брежнева и Горбачева русскими не считали. Дескать, у них у всех много украинского, даже по-русски они все как украинцы говорили. Но вот дождались, Ельцин – русский, Путин – русский, Медведев – русский. Как на Украине за двадцать лет независимости никакого толку нет, так и Россией все эти годы русские руководят и все равно в России лучше всех живут не русские, не татары, не мордва, не буряты, коренные нации, которые здесь живут много веков, а пришедшие со

стороны: евреи, армяне, грузины, азербайджанцы. И какого президента не ставь, хоть самого наирусского, ничего не изменится.

Оксана Тарасовна привычно вошла в роль преподавателя, ходила в халате и фартуке по большой кухне и «читала лекцию»:

– Еще раз говорю, в России столько земли, а в ней богатств, и еще новые открывают – они никогда не кончатся. Но большинство москалей и прочих коренных просто не могут обратить их себе во благо, и эти богатства, совершенно безхозны, валяются на земле. Потому сюда и едет так много предприимчивых, энергичных людей со всех бывших республик СССР. И очень многие здесь неплохо устраиваются, а некоторое сказочно обогащаются. Особенно преуспевают, конечно, жида и кавказцы. Многие из них, начиная буквально с нуля, стали здесь успешными бизнесменами, или добились успехов в других областях. Они богатеют, процветают, громко заявляют о себе на эстраде, в кино, или еще где-нибудь. И это тогда, когда подавляющее большинство местных по привычке прозябают в нищете и безвестности.

– Кавказцы здесь процветают в основном за счет преступной торговли, подкупа чиновников, или за счет прямого бандитизма. Всем известно, что большинство российских воров в законе кавказцы, – вновь скептически прокомментировал слова матери Богдан.

– Да какая разница, как они здесь добывают деньги и кор-

мят свои семьи. Но они их добывают в большом количестве и кормят, одевают и обувают свои семьи весьма неплохо, в разы, а может в десятки раз лучше, чем большинство русских свои, – в голосе Оксаны Тарасовны слышалось недовольство тем, что сын ее перебил.

– Мам, зачем ты мне все это говоришь? Уж не хочешь ли ты мне посоветовать следовать примеру этих успешных здесь наций? Дескать, жида могут, кавказцы могут, и ты давай как они. Мам, я украинец, и потому как жид крутиться не смогу и торговать как кавказцы тоже, или как они грабежом заниматься, тоже не стану! – не без возмущения отреагировал Богдан.

– Богдаша, успокойся! Я тебя ни к чему такому не призываю. Я просто хочу, чтобы ты, наконец, полностью мне доверился, и делал то, что я тебе скажу. Если бы ты всегда так делал, сейчас у тебя и здоровье было бы в порядке, и диплом в кармане, и наверняка хорошо бы зарабатывал и семью давно бы завел, – это Оксана Тарасовна уже говорила со слезами в голосе.

– Мама, ну ты опять!?! Давай не будем! Сколько раз я и перед тобой винился и сам себя корил. Что случилось, то случилось, ничего уже не изменить. Зачем весь этот разговор, еще раз мне на больное место надавить? – Богдан с досадой отвернулся, недвусмысленно давая понять, что больше на эту тему говорить не желает.

– Затем, сынок, чтобы сейчас ты сделал все в точности,

как я тебе посоветую,— вновь добавила в свой голос педагогического металла Оксана Тарасовна. — Дело в том, что у тебя может появиться шанс не просто, наконец, выправить свою жизнь, но и прочно встать на ноги.

— Как встать, мам, если я в полной заднице!? Я ведь ничего не могу, даже эти проклятые окна мастрячить. Я даже гвоздь как следует не могу забить, у меня руки трясутся. Все это контузия, будь она проклята, — теперь уже Богдан чуть не плакал.

— А в остальном, как ты в последнее время себя чувствуешь? — вдруг как-то вкрадчиво спросила Оксана Тарасовна.

— Ты же знаешь, чего в сотый раз спрашивать? Получше чем год назад, но все равно неважно, и с руками и с головой, — раздраженно отреагировал на вопрос матери Богдан.

— Да, нет сынок, я не про то... Скажи мне, а как у тебя с девушками? — Оксана Тарасовна понизила голос почти до шепота, словно их мог кто-то подслушать.

— С какими девушками, ты о чем!? Кому я нужен, не первой молодости, нездоровый гастер!? Хотя внешне меня от русского не отличить, но фактически я такой же гастер, как любой таджик, или узбек, рабочий низкой квалификации. Со мной разве что разведенка с приплодом согласится иметь отношения, — Богдан поднялся, явно собираясь идти смотреть телевизор.

— Постой, сядь. Ты меня не понял. Я хочу знать, есть ли у тебя вообще интерес к девушкам? Ты, сынок извини, но в

последнее время мы не так часто видимся и с учетом того, что ты долго болел и до сих пор полностью не восстановился... В общем мне это надо знать. И еще, я знаю ты в Виннице встречался с девушкой и довольно долго. Ты что расстался с ней? – упорно допытывалась Оксана Тарасовна.

– Да какая разница, расстался или нет. Ничего серьезно там не было, и быть не могло. Так случайно встретились два одиночества, которых кроме интима ничего не связывало. А здесь... Я же не могу нормальную девушку или женщину куда-нибудь пригласить – не на что. А без этого не стоит и знакомиться. Так, что те, которые мне гипотетически могут понравиться, они мне просто не по карману. Ну а те, что на меня еще могут позариться – мне не нужны, – Богдан не садился, явно собираясь все же идти в гостиную смотреть «плазму».

– Так, значит, интерес к женщинам у тебя все-таки есть, – удовлетворенно отметила Оксана Тарасовна, заступая дорогу сыну и не выпуская его из кухни.

– Я тебя совсем отказываюсь понимать мама, куда ты клонишь? – Богдан с явным неудовольствием сел в кресло. – У меня от твоих вопросов как от контузии голова начинает болеть.

– Хорошо, буду предельно откровенна. Я долго думала, и решила, что тебе здесь необходимо жениться и для этого имеется подходящая партия. Через эту женитьбу ты войдешь в состоятельную московскую семью.

На кухне, заставленной по периметру всевозможными стеллажами, вытяжками, узорчатыми навесными шкафами... повисло напряженное молчание.

– Так, я кажется начинаю догадываться к чему вся эта бодряга. Жениться, говоришь, и даже невеста имеется? Представляю, что это за невеста, если даже я могу сойти за жениха ха-ха... Сколько ей лет? Наверное, уродина, или разведенка с ребенком, а может и не с одним... я угадал!? – Богдан, облаченный после джакузи в банный халат сына хозяина квартиры, зябко поежился – его прошиб холодный пот.

– Ей тридцать девять лет, она никогда не была замужем... Да-да, старая дева, конечно далеко не красавица, но вполне порядочная. Зато ее отец владеет фирмой по производству стройматериалов, тремя квартирами в Москве и загородным коттеджем в три этажа. Она единственная дочь и кроме нее нет никаких прямых наследников. Эту семью хорошо знают мои хозяева, потому я и в курсе их дел, – пояснила ситуацию Оксана Тарасовна.

– И что же, ты предлагаешь мне срочно жениться на этой почти сорокалетней старой деве!? Да, на меня же потом все пальцем показывать будут – ради денег на старой страхолюдине женился, которую никто больше брать не захотел даже с ее деньгами. Надо мной же потешаться будут, – вроде бы возмутился Богдан, но уже скорее для проформы, ибо параллельно он анализировал поступившую от матери информацию – не в его положении было изображать разборчивого

жениха.

– Те кавказцы, что женятся здесь на ком угодно, даже на семидесятилетних старухах, чтобы любой ценой заполучить московскую прописку, они на всю эту мораль не заморачиваются. Они таким образом здесь заякориваются, потом на эту жилплощадь привозят и прописывают своих родственников, организовывают свой семейный бизнес и процветают. Мои хозяева все плачут, что черные везде лезут, местных отовсюду вытесняют, но как и у всех москалей дело у них дальше причитаний не доходит, – упорно продолжала гнуть свое Оксана Тарасовна.

– Но... – Богдана серьезно сбила с толку новая философия матери, имеющая в основе лишь материальную основу. – Но с чего ты взяла, что в этой семье, где у папы фирма, меня ждут? Скорее всего, мне там сразу дадут от ворот поворот, – продолжал не очень твердо возражать Богдан.

Тут зазвонил стационарный телефон в гостиной. Оксана Тарасовна пошла туда и вскоре послышался ее голос:

– Да, Раиса Федоровна, слушаю вас внимательно... Все в порядке... Да все как вы велели... Ну, разве могла я забыть про ваши цветы, поливаю строго по графику. Денежное дерево только что-то немного вянуть стало... Хорошо, я все поняла. А вы там как?... Ну, а как же вы хотели, чтобы за городом и без комаров. Кстати, их наличие говорит о хорошей экологии... Что?... Поняла, завтра обязательно куплю. Вот, я для памяти в блокнот себе это записываю... И вам

спокойной ночи...

Когда Оксана Тарасовна вновь появилась на кухне, она заговорила так, будто ее разговор с сыном и не прерывался телефонным звонком:

– Все может быть, могут и от ворот поворот дать, но вполне возможен и совсем иной вариант. Отец с матерью ее уже лет пятнадцать безуспешно пытаются выдать замуж. И не то, что желающих совсем нет. Претендентов на такое наследство как раз хватает. Тут дело в другом, она хоть и не красавица, но обладает очень тяжелым характером и привередливостью. Чуть что не по ней, претенденту сразу указывает на дверь, даже если родители против него ничего не имеют. Родители уже совсем отчаялись, и готовы на все лишь бы найти жениха, который ей хоть как-то понравится. У самих же родителей всего два условия, чтобы это был славянин и не старше сорока пяти лет. Ее мать и мою хозяйку просила помочь в этих поисках. А я ей и сказала, что у меня сын как раз холост, подходящего возраста и живет на Украине. Про то, что ты здесь недалеко окна вставляешь я, конечно, говорить не стала. Я сказала, что ты на Украине бизнесом занимался, но не очень удачно. Ну, и между делом опять намекнула, что ты никогда не был женат. Хозяйка заверила, что при встрече обязательно расскажет о тебе ее родителям. А пока у нас есть время, чтобы тебя приодеть, сводить в дорогую парикмахерскую, в общем подготовиться. Для такого дела, я всех своих сбережений не пожалею. А все остальное, сынок, в твоих ру-

ках. Понимаю, придется включить актерство. Вспомни, как ты когда-то играл в школьных спектаклях. У тебя неплохо получалось. А сейчас для тебя сцена сама жизнь и здесь надо так сыграть, чтобы тебе поверили. Придется всячески подлаживаться, наверняка даже унижаться. Но тебе уже сколько пришлось вытерпеть, и сейчас вон терпишь. Терпишь просто так. А тут появляется шанс терпеть не просто так, а за обеспеченное будущее. Вон сколько здесь те же Королева и Данилко терпели и унижались, прежде чем в люди вышли, или эти жидята Цикало с Лолитой. Кто сейчас про то вспомнит? Они все с Украины, а Москву сумели покорить, сейчас вон деньги лопатами гребут. Тебе же надо всего лишь произвести хорошее впечатление. Я все доподлинно и про нее и про родителей ее уже разузнала, все их пристрастия и слабости. Так что будем готовиться, хоть времени у нас и в обрез, – Оксана Тарасовна рассуждала с такой уверенностью, будто все уже решено и сын со всем согласен.

– Но мама, она же старше меня, – продолжал как бы по инерции вроде бы противится Богдан. – Да, и родители наверняка поймут, что я с корыстью к ним подъезжаю. Нет, из этой затеи вряд ли что выйдет.

– Выйдет, не выйдет, а попытаться надо. А возраст? Ты ее всего на два года моложе, это сущая ерунда. К ним, как мне хозяйка говорила, вообще мальчишки лет на десять пятнадцать ее моложе подъезжать пытались. И их в том доме приняли и рассматривали в качестве женихов. А сколько чер-

ных пыталось туда влезть. Но этих уже сами родители сразу отваживали. А тебя, славянина, да еще почти ровесника их дочери они, наверняка, встретят с интересом, тем более, что тебя им будет рекомендовать моя хозяйка, – Оксана Тарасовна продолжала источать уверенность.

– Нет мам, не могу я так сразу. Мне подумать надо, – Богдан ерзал в кресле, будто оно стало горячим. – И потом, если ее отец глава большой фирмы, то наверняка деловой человек. Он же наведет обо мне справки. Для людей с деньгами это сделать нетрудно. Он наверняка выяснит, что никакой я не бизнесмен. И мое прошлое может выплыть, что я в Чечне воевал против России. Как бы мне тогда не под венец, а в тюрьму не загреметь, – сделал очередное пессимистическое предположение Богдан.

– Деловой... какой деловой? Где ты видел деловых москалей? У них такие может быть один на тысячу, а то и реже случаются, то есть не более десятой доли процента от всех. Если бы они были деловыми, хотя бы на уровне процента, все бы богатства России принадлежали им, а не как сейчас жидам и черным, – безапелляционно заявила Оксана Тарасовна.

– Нет мам насчет десятой доли процента это ты загнула, иногда и среди них деляги встречаются. Вон Прохоров, я читал про него, всем делягам деляга, с нуля начал, джинсы в Перестройку варил и в конце-концов миллиардером стал, – возразил Богдан.

– Что, Прохоров!? Я про него не читала, но от своих хозяев слышала о его родословной. Да если бы не четвертинка еврейской крови, никогда бы ему миллиардером не стать. От бабки-еврейки у него этот талант – деньги делать. А у этой такой бабки ни по одной линии нет, я все про них вызнала. Ее отец обычный москаль нисколько не деловой. Просто его отец сумел в советское время стать шишкой в строительном министерстве и ему, еще в Перестройку помог эту фирму организовать. Пока дед этот в министерстве сидел, фирма под его крышей процветала, потом на пенсию вышел, а связи остались, и опять фирма более менее жила, а как умер лет десять назад, министерская крыша кончилась, и фирма стала хиреть. Сейчас еле дышит, не то что крупной, ее средней назвать нельзя, и опять же держится только благодаря кое-каким старым связям. Так что наводить справки о твоём прошлом у этого отца, ни ума, ни денег не хватит. И не бойся, если кто-то узнает про твое участие в чеченской войне. Чечены, во всяком случае те, кто был тогда относительно молод почти все воевала против России и ни кто их за это не преследует, разве что совсем дурных, кто сильно засветился. И многие из бывших боевиков здесь в Москве прекрасно живут, делают хорошие деньги, ездят на дорогих иномарках, их дети учатся в лучших московских ВУЗах. Если им все это можно, почему тебе нельзя? – подвела итог своим рассуждениям Оксана Тарасовна.

Богдан словно обессилел под прессингом матери. Тем бо-

лее, что в ее аргументах имелось немало «рациональных зерен». «А что если и в самом деле попробовать? Черт с ней с этой переспелой страхолюдиной, как-нибудь притерплюсь, если в самом деле выгорит это дело. Тогда можно хотя бы материально жить как человек. Все лучше, чем нынешнее существование...», – проносились в его голове мысли.

– Надеюсь, я тебя убедила? Теперь слушай и запоминай. Ты завтра же с утра едешь в свою шараш-монтаж бригаду и берешь расчет. Смотри, чтобы тебя не обсчитали. Деньги нам сейчас понадобятся, даже те гроши, что тебе заплатят. До понедельника, пока эта квартира в нашем распоряжении, ты живешь здесь, а потом мы снимем тебе жилье. Я знаю, где это можно сделать недорого. За все это время мы приводим тебя в божеский вид и придумываем тебе правдивую легенду, например о непризнанном гении, которого совсем не ценят на родине. Вот он и приехал в Москву за признанием. Я, конечно, шучу, но что-то в этом роде сейчас вполне может, как это говорят, прокатить. Отношение к Украине здесь после Майдана ухудшилось и гонимые там здесь воспринимаются неплохо. Помнишь, ты по молодости стихи сочинял, причем весьма недурные? Потом с этим дураками из УНАУНСО связался и все забросил. Я твою тетрадь со стихами на квартире в Виннице спрятала. Позвоню Лене, чтобы нашла и срочно выслала. Можно раскрутить тему непризнания тебя как поэта, потому что ты писал стихи на русском. Это необходимо потому, что твоя потенциальная невеста просто фа-

нат поэзии и для тебя это дополнительный шанс, если твои стихи ей понравятся. И вообще, если тебе удастся сблизиться с ней на почве литературы, именно ее можно использовать как наживку, на которую мы будем ловить эту московскую уродину и ее родителей...

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.